

Летопись Адриана Вейла · Книга 2

СЕРДЦЕ
РАСКОЛА

Антон Владимиров

Антон Владимиров
Сердце Раскола

«Автор»

2026

Владимиров А.

Сердце Раскола / А. Владимиров — «Автор», 2026

Все считают Адриана Вейла мертвым. Его друзья: Ребекка, Конуэй и Силлиан, ставшие героями в своем городе, получают от короля отчаянную миссию: пересечь собственный континент, чтобы заключить жизненно важный союз с племенами в далеких Диких Землях. Ведомые скорбью и долгом, они идут вперед, не зная, что невидимый враг при дворе уже расставил для них смертельные ловушки. Но они не знали самого главного: Адриан выжил. Выброшенный на берега того самого континента, куда держат путь его друзья, он оказывается втянут в чужую войну, чтобы отплатить давний долг таинственной ведьме. Чтобы выжить, ему придется заслужить доверие дикарей, пройти их смертельные испытания и принять решения, которые навсегда изменят его. Их истории начинаются на разных континентах, но пути старых друзей уже неумолимо движутся навстречу друг другу. Узнают ли они в этом чужаке того, кого когда-то потеряли? В большой игре королей и древних духов, где цена мира — предательство, сможет ли их дружба пережить раскол?

© Владимиров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Клык зовет	5
Часть I. НОВЫЙ ПУТЬ	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	63
Часть	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сердце Раскола

Клык зовет

Квандилм был городом власти, бюрократии и порядка. Широкие, мощеные белым камнем проспекты расходились лучами от центральной цитадели, деля город на идеально выверенные сектора. Здесь возвышались строгие, монументальные здания из гранита и мрамора: Королевская Казна, Судебная Палата, казармы королевской гвардии и, конечно же, Великая Библиотека Квандилма, хранилище знаний, чьи архивы, по слухам, уходили под землю на столько же уровней, сколько этажей возвышалось над ней.

Лорд Аластер Кроу, королевский казначей Телмара, ненавидел беспорядок. Не только в счетах и планах, но даже в мелочах собственного кабинета. Помещение в самом сердце Королевской Цитадели было отражением его души — холодным, выверенным и безупречно организованным. Каждый свиток на полках из темного дерева был каталогизирован, каждая карта в тубусе — подписана, а магический шар, лениво парящий под потолком, освещал комнату ровным, безжизненным светом. Здесь не было места пыли, равно как и сантиментам.

Целый месяц до столицы доходили обрывочные, панические слухи из Соултсбери. Пожар в доках, исчезновение торговцев, странные тени в лесу — обычная провинциальная истерия, на которую Аластер не обращал внимания, пока донесения не стали более тревожными. Теперь же перед ним, на столе из полированного черного дерева, лежал полный отчет, доставленный его лучшим агентом.

Его доверенный секретарь Йорик — тихий человек с неприметным лицом и глазами, которые, казалось, впитывали все, но ничего не отражали, — ровным, лишенным эмоций голосом зачитывал последние строки.

— Таким образом, операция, инициированная лордом-мэром Галеном Вестхолмом, завершилась частичным успехом. Угроза так называемых «Теневых Клинков» в пределах Соултсберийского Леса была нейтрализована. Однако это было достигнуто ценой значительных потерь. Нанятый Вестхолмом отряд «Стражей Рассвета» был полностью уничтожен. Священник местной церкви, преподобный Хартманн, оказался предателем и также погиб при невыясненных обстоятельствах.

Йорик сделал короткую паузу, переводя дыхание. Аластер молча смотрел на свои ухоженные пальцы, сложенные на столе. Он не торопился.

— Забытый Храм, служивший эпицентром аномалии, был разрушен в результате мощного магического выброса, — продолжил секретарь. — Из группы, отправленной лордом-мэром Вестхолмом для расследования, выжило трое: дварф Конуэй, девушка-фермер по имени Ребекка и Силиан из семьи дровосеков. Их предводитель, рядовой член Гильдии Воров по имени Адриан Вейл, считается погибшим в эпицентре выброса. Его тело не найдено. Выжившие утверждают, что именно его действия привели к уничтожению угрозы.

Йорик аккуратно свернул пергамент. Тишина в кабинете стала почти осязаемой.

— Частичный успех, — медленно произнес Аластер. В его голосе прозвучала сухая насмешка. — Вестхолм всегда умел облекать свои провалы в красивые слова. Целый город на грани паники, орден профессиональных наемников стерт в порошок, а древний храм, представлявший огромный интерес, уничтожен. И все это ради чего? Чтобы поймать нескольких призраков, о которых шептались пьяные матросы?

— Лорд-мэр утверждает, что угроза была реальной, милорд, — так же ровно ответил Йорик. — Его донесение Королю полно описаний сверхъестественных существ.

Аластер издал тихий, презрительный смешок.

— О, я не сомневаюсь, что его донесение полно всего, что может выставить его в роли спасителя отечества. Гален Вестхолм всегда был мастером драмы. Он правит своим Соултсбери так, будто это не портовый придаток нашего королевства, а центр вселенной. Теперь у него есть свои герои, своя легенда. Трое выживших... — Кроу задумчиво постучал пальцем по столу. — Это плохо. Легенды опасны, Йорик. Они дают людям надежду. А надежда делает их неуправляемыми.

Он поднялся и подошел к огромной карте континента, висевшей на стене. Его взгляд скользнул по владениям Телмара — от Соултсбери на юге и через Квандилм до самых северных рубежей, где нес свою вечную стражу генерал Ворлаг.

— Король Терон слишком мягок, — проговорил Аластер, обращаясь то ли к Йорику, то ли к самому себе. — Он верит в этот хрупкий союз. Верит, что такие, как Вестхолм, или тот упрямый дварф Гравек в Стонхейме, будут вечно хранить ему верность. Он не видит, что они — лишь пивяки на теле королевства, высасывающие его богатства и силу. Власть должна быть единой, твердой, как кулак. А не распыленной по прихоти местных князьков.

— Король доверяет им, милорд, — осмелился вставить Йорик.

— Именно. И в этом его главная слабость, — Аластер обернулся, его глаза холодно блеснули. — Я предвижу, что будет дальше. Вестхолм использует эту историю как предлог для своей давней идеи — экспедиции в Дикие Земли. Он пришлет сюда своих «героев», будет требовать от казны денег и полномочий. И Король, впечатленный их «подвигом», скорее всего, согласится.

Аластер вернулся к столу и сел в кресло. Его лицо было абсолютно спокойным, словно он обсуждал не государственную измену, а обычный торговый маршрут.

— Мы не можем этому помешать открыто. Леди Рид и ее ищейки тут же ухватятся за любую нить. Но мы можем подготовить почву так, чтобы эта авантюра рухнула под собственным весом, далеко от наших границ. Мы утопим их миссию в болоте чужих интересов.

Йорик молча ждал, сцепив руки за спиной. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Начнем с Федерации Волентара, — Кроу взял со стола чистый лист пергамента. — Их четыре правящих рода ненавидят друг друга больше, чем внешних врагов. Это наше главное оружие. Ты подготовишь два отдельных донесения. Первое попадет на стол матриарху Серафине Ворн через наши торговые каналы в Элаксисе. В нем будет говориться, что миссия Телмара — лишь прикрытие. Что истинная цель — заключить тайный договор на поставку древесины из Диких Земель, что обрушит цены и ударит по монополии рода Каэль. Ворны — старые аристократы. Они не станут действовать открыто, но начнут плести свои интриги, задерживая наших героев в столице бюрократическими проволочками.

— А второе донесение, милорд?

— Второе, — на губах Аластера появилась едва заметная, хищная улыбка, — будет более грубым. Оно попадет к Магнусу Каэлю в Глиммервуд. Ему мы сообщим, что род Ворн тайно финансирует миссию Телмара, чтобы получить доступ к экзотическим товарам Диких Земель и тем самым укрепить свое положение как главного поставщика роскоши. Каэль — выскочка. Он ненавидит эти их «старые деньги» Ворнов. Он начнет действовать силой. Пусть его люди создадут проблемы для любого корабля, который попытается взять на борт наших посланников. Пусть начнутся «случайные» драки в тавернах, «потеряются» важные грузы. Нам нужен хаос.

Кроу сделал паузу, давая Йорику запомнить инструкции.

— Ты подготовишь несколько искусно составленных торговых предписаний с поддельной печатью Королевского Совета. В них будет подробно расписан план по передаче Федерации Волентара эксклюзивных прав на разработку новых, недавно открытых месторождений серебра в предгорьях у границы Караз-Дорна. Дварфы считают эти предгорья своими исконными землями, хоть и не контролируют их напрямую.

Аластер умолк, наблюдая за реакцией Йорика.

— Один экземпляр, с акцентом на стратегическую важность этих территорий, попадет к Генералу Воргуну. Он увидит в этом прямую угрозу безопасности Караз-Дорна — люди Волен-тары у самого их порога. Во втором будет расписана баснословная выгода от добычи редчайшего серебра, — к Мастеру Казраку. Он увидит в этом угрозу их экономической монополии и потерю ценнейших ресурсов. Они не сговорятся, но оба начнут давить на Короля Грондара, чтобы тот отказал посланникам в любой помощи.

— А что, если герои все же смогут договориться с кем-то из них? — спросил Йорик.

— Это неважно, — отмахнулся Аластер. — Наша цель — замедлить их продвижение. Выиграть время. Создать столько препятствий, чтобы к тому моменту, как они доберутся до Диких Земель — если доберутся, — ситуация там уже изменится. Или же они доберутся туда настолько ослабленными и без поддержки, что их миссия будет обречена. Пусть лорд-мэр Вестхолм получает своих мертвых героев. А я получу прекрасный повод доказать Королю Терону, что его политика доверия регионам — губительна. Что пришло время собрать все земли Телмара в единый, стальной кулак.

— А Леди Рид? — тихо спросил Йорик. — Ее люди...

— Леди Рид будет следить за очевидным, — прервал его Кроу. — Она будет искать наших шпионов, наемных убийц, прямые угрозы. А мы не будем угрожать, мы лишь будем создавать проблемы. Бюрократические, экономические, политические. Она никогда не догадается, что настоящее оружие — это перо и пергамент. Иди, Йорик. У тебя много работы.

Секретарь молча поклонился и бесшумно растворился в тенях коридора, оставив Королевского Казначея наедине с его картами, планами и ледяной уверенностью в своей правоте.

Часть I. НОВЫЙ ПУТЬ

Глава 1

Дубовая дверь ратуши Соултсбери захлопнулась за их спинами с глухим стуком, отрезая их от голоса Лорда-мэра Галена Вестхолма. Они молча спустились по широким ступеням, щурясь от полуденного солнца, непривычно яркого после всего произошедшего. Месяц прошел с того дня в лесу. Месяц, ощущавшийся одновременно вечностью и одним бесконечным мигом.

Первой заговорила Ребекка. Она резко остановилась посреди площади и сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Ненавижу его, — прошипела она, глядя на внушительный фасад ратуши. — Ненавижу его за то, что он прав.

Конуэй, шагавший рядом, поправил очки на переносице. Его лицо, как всегда, оставалось почти непроницаемым, но в его серых глазах плескалась усталость.

— Дело не в правоте, Ребекка. Он просто прагматик, — ровным голосом ответил дварф. — Видит угрозу и использует единственный доступный ему инструмент. Нас.

— Инструмент? — фыркнула она. — Мы для него просто пешки, которых он без раздумий пожертвовал бы снова, как пожертвовал «Стражами Рассвета». Как пожертвовал... им.

Последнее слово она произнесла шепотом, и в нем прозвучала такая боль, что Силиан, замыкавший их небольшую процессию, положил ей на плечо свою огромную, тяжелую руку. Его молчаливая поддержка всегда была крепче любых слов.

Встреча с Вестхолмом была короткой и унижительной. Он говорил о «долге перед короной», о «стратегической необходимости», но за холодными словами сквозило одно: он отправлял их, «Героев Забытого Храма», в столицу, в Квандилм, как живое подтверждение его слов. Они должны были предстать перед Королем Тероном Валериусом и убедить его в необходимости такой рискованной миссии в Дикие Земли. Они были главным козырем Вестхолма в большой политической игре. И все же они согласились — но не ради него.

— Мы делаем это не для него, — тихо, но твердо сказал Конуэй, и его взгляд встретился сначала со взглядом Ребекки, а затем — Силиана. — Мы делаем это для Рика. И для того, чтобы больше никому не пришлось проходить через то, через что прошли мы.

Конуэй запустил руку в поясную сумку и извлек сложенный втрое пергамент. Тяжелая сургучная печать с гербом Лорда-мэра казалась слишком яркой в солнечном свете.

— Прощение о личной аудиенции, — дварф осторожно провел пальцем по краю бумаги. — Вестхолм вручил нам ключ от ворот Королевской Цитадели. Без этого письма дворцовая стража Квандилма не пустила бы нас даже на внешний двор. Теперь мы — официальные посланники.

Ребекка мрачно посмотрела на свиток.

— Наш пропуск, купленный чужой кровью, — тихо произнесла она и поправила лямку походного мешка. — Когда мы выступаем?

— Сегодня, — подал голос Силиан.

Ребекка глубоко вздохнула, выпуская гнев вместе с воздухом. Возразить Конуэю было нечего. Они шли по улицам Соултсбери, и город казался им чужим. Он изменился. Или изменились они. Усиленные патрули городской стражи стояли на каждом углу, их взгляды были напряженными и подозрительными. Люди на рынке, еще недавно не обращавшие на них никакого внимания, теперь оборачивались им вслед. В этих взглядах была смесь благоговения, страха и болезненного любопытства. «Герои Забытого Храма». Так их теперь называли. Это звание жгло, как клеймо. Они видели, как матери притягивали к себе детей, когда они проходили мимо. Они были живым напоминанием об ужасе, выpolзшем из леса, — ужасе, который все так отчаянно пытались забыть.

Когда они проходили мимо пекарни, откуда доносился знакомый с детства запах свежего хлеба, их путь преградил пожилой мужчина в простом ремесленном фартуке. Его лицо было изборозжено морщинами, а в глазах стояла смесь благоговения и глубокой, затаенной печали. Он сжимал в руках свою шапку, нервно теребя ее край.

— Герои, — прохрипел он, и его голос дрогнул. — Простите... Я просто хотел... сказать спасибо. Мой сын... он был в городской страже. В том отряде, что первым отправился в лес. Он не вернулся.

Силиан замер, его плечи напряглись. Он помнил тот отряд. Он видел, что с ними стало. Мужчина продолжил, не в силах поднять на них взгляд:

— Люди говорят разное. Кто-то говорит, что вы — спасители. Кто-то... боится вас. Говорят, вы принесли с собой тень из того проклятого места. Но я... я видел его тело. То, что от него осталось. И я знаю, что вы сражались с тем же злом. Спасибо, что отомстили за него. Спасибо...

Он неловко поклонился и поспешил прочь, скрывшись в толпе. Друзья остались стоять посреди улицы, и слова старика повисли между ними тяжелым, невидимым грузом. Его благодарность ранила не меньше, чем испуганные взгляды других. Она была напоминанием о цене их выживания. О тех, кто погиб, чтобы они могли стоять здесь, на залитой солнцем площади.

— Нам нужно идти, — произнес Конуэй. — Чем быстрее мы покинем этот город, тем лучше.

Ребекка молча кивнула, и они, не сговариваясь, ускорили шаг, стараясь больше ни с кем не встречаться взглядами. Они уходили из дома, который больше не был их домом. Теперь это было место, полное призраков.

Они собрали все необходимое для долгого пути: теплые плащи, запасы провизии, точильные камни для оружия. Каждый предмет, уложенный в дорожные сумки, становился частью прощального ритуала.

Когда солнце начало клониться к западу, они покинули Соултсбери через северные ворота. Скрип подъемного механизма прозвучал для них как гонг, возвещающий о начале нового, неизвестного акта их жизни. Они не оглядывались.

Главный тракт, ведущий на север, в Стонхейм, был им до боли знаком. Широкая, утоптанная тысячами колес и ног дорога вилась среди зеленых холмов и ухоженных полей. Здесь, вдали от городских стен, дышалось легче. Воздух пах влажной землей и свежескошенной травой. Некоторое время они ехали молча, каждый погруженный в свои мысли. Тишину нарушал лишь мерный стук копыт их лошадей и скрип седельной кожи.

— Сколько, по-твоему, это займет? — спросила наконец Ребекка, обращаясь к Конуэю. Дварф на мгновение задумался, его взгляд был устремлен на дорогу впереди.

— Путь неблизкий. Сначала Стонхейм, там мы сможем пополнить припасы и отдохнуть. Оттуда дальше на север, до переправы. А потом еще несколько недель пути через центральные земли до самой столицы. Если не будет проблем, доберемся недели за три. С запасом — за месяц. Но что-то мне подсказывает, что без проблем не обойдется.

Ребекка зло выругалась.

— Месяц в дороге только для того, чтобы убедить короля выслушать нас. А что, если он откажет? Что, если он решит, что Вестхолм просто раздувает панику, чтобы выбить из казны побольше денег?

— Он может, — согласился Конуэй. — В столице своя политика. Лорды при дворе могут счесть угрозу из леса «проблемой юга» и не захотят тратить на нее ресурсы. Наша задача — убедить их, что это проблема всего Телмара.

Они замолчали. Перспектива долгого и утомительного пути, в конце которого их ждало не приключение, а политические дебаты, легла на них тяжелым грузом. Солнце опускалось все

ниже, окрашивая небо в багровые и золотые тона. Дорога вела их мимо небольших ферм и рощ. Ребекка смотрела на проплывающие мимо поля, и на ее лице отражалась глубокая тоска.

— Здесь все так... спокойно, — голос Ребекки стал едва слышен. — Коровы пасутся, люди готовятся к ужину. Они даже не представляют, что происходит за пределами их мира. Насколько он больше и страшнее, чем им кажется. Адриан... он бы хотел, чтобы так и оставалось. Чтобы они никогда не узнали об этом.

При упоминании его имени в воздухе повисла тяжелая тишина. Это была первая их возможность поговорить о нем с того самого дня.

— Он всегда пытался всех защитить, — глухо сказал Силиан, глядя на темнеющую кромку леса вдаль. — Даже тогда, в детстве. Помните, как он взял на себя вину за разбитое окно в доме старосты?

— Помню, — усмехнулся Конуэй, и эта усмешка была полна горечи. — А потом всю неделю таскал воду из колодца, чтобы отработать. Он был храбрым до безумия — идеалистом в мире, где такие долго не живут.

— Может, именно поэтому он и смог сделать то, что сделал, — возразила Ребекка, ее голос дрогнул. — Он думал только о том, как вытащить нас.

Она отвернулась, чтобы друзья не видели наворачнувшихся на ее глаза слез. Силиан подъехал ближе и молча протянул ей свой плащ, когда порывистый вечерний ветер стал холоднее.

Конуэй тяжело вздохнул.

— В этом весь Рик. Помните, когда нам было лет по двенадцать, мы забрались в старую заброшенную шахту к северу от Стонхейма? Ту, что все называли «Глоткой Дракона».

Ребекка тихо хмыкнула, и в этом звуке смешались горечь и тень улыбки.

— Как такое забудешь. Ты тогда составлял карту, Силиан пробовал на прочность каждую балку, а я искала «потерянные сокровища».

— А Рик просто шел вперед, — продолжил Конуэй. — Он был уверен, что за следующим поворотом обязательно найдется что-то удивительное. А потом случился обвал. Небольшой, но он отрезал нам путь назад.

Силиан, до этого молча смотревший на дорогу, кивнул.

— Я помню. Было темно. И страшно.

— Именно, — сказал Конуэй. — Мы все испугались. Я начал лихорадочно искать другой выход по своей карте, ты, Ребекка, едва не плакала от злости и бессилия, а ты, Силиан, пытался разобрать завал голыми руками. А он... он просто зажег факел и сказал: «Значит, путь лежит только вперед». И пошел дальше, вглубь темноты. Без карты, без плана. Просто с верой в то, что где-то должен быть выход. И ведь нашел же. Вывел нас через старый вентиляционный ствол, о котором никто и не знал.

Ребекка сглотнула и отвела взгляд к темнеющим холмам.

— Верил, что путь есть, даже когда все остальные видели только стену, — прошептала она.

— Он был нашим светом в темноте, — глухо заключил Силиан. — Теперь нам придется научиться зажигать свои собственные факелы.

Этот короткий обмен воспоминаниями не принес облегчения, но оказался необходим. Он напомнил им не только о том, кого они потеряли, но и о том, почему обязаны двигаться дальше. За него. И за ту веру в лучшее, которую он нес в себе.

Сумерки начали сгущаться, превращая зеленые холмы в темные, бархатные силуэты на фоне угасающего неба. Дорога здесь делала изгиб, огибая небольшую рощу старых, корявых дубов. Именно в этот момент Силиан, ехавший впереди, резко поднял руку, останавливая их.

Ребекка и Конуэй напряглись, их руки инстинктивно потянулись к оружию. Но Силиан не выказывал тревоги. Он просто смотрел вперед, вглубь рощи. Проследив за его взглядом, они увидели его.

Из тени деревьев на дорогу вышел огромный олень, с высокой, гордо посаженной головой, увенчанной короной ветвистых рогов, темных, как сама земля. Он замер посреди тракта, всего в паре десятков шагов от них, и повернул голову, глядя на них своими большими, влажными и абсолютно спокойными глазами. В них не было страха, лишь древняя, невозмутимая мудрость. Вечерний свет запутался в его густой, серой шерсти, придавая его фигуре почти призрачное сияние.

Никто не проронил ни слова. Даже стук копыт и скрип седел будто растворились в наступившей тишине. Олень смотрел на них несколько долгих мгновений, будто оценивая, давая им свое молчаливое благословение. Затем, так же бесшумно, как и появился, он сделал несколько грациозных прыжков, пересек дорогу и растворился в тенях на другой стороне.

Они еще долго стояли на месте, глядя на пустую дорогу. Этот мимолетный миг первобытной красоты, явленный им посреди их скорби и тревог, подействовал на них сильнее любых слов.

— Нам пора, — сказал Конуэй. Его голос прозвучал в наступившей тишине необычно мягко.

Дорога постепенно пошла на подъем, уводя их от плодородных равнин в каменистые предгорья. Воздух стал прохладнее и чище. Когда на небе зажглись первые звезды, они увидели, как впереди, в темной долине, мерцали десятки огней. Это был Стонхейм. Их первый привал. Знакомый с детства шахтерский городок, который теперь казался им далеким и почти забытым воспоминанием из другой, более простой жизни.

— Ну вот, — с облегчением выдохнул Конуэй. — По крайней мере, сегодня мы будем спать в нормальных кроватях.

Но, глядя на эти далекие, уютные огни, никто из них не чувствовал настоящего облегчения. Они знали, что это лишь короткая передышка. И что дорога впереди окажется куда темнее и опаснее, чем все, что осталось позади.

Глава 2

Городок, приютившийся в складках предгорий, не изменился: те же приземистые, крепкие дома из серого камня, те же узкие улочки, вечно находящиеся в тени нависающих скал, та же центральная площадь с неизменной статуей бородатого основателя.

Весть об их прибытии разнеслась по Стонхейму быстрее, чем ночной ветер в ущельях. Когда они спешили у таверны «Шахтер и кобыла», их уже ждали. Из дверей соседних домов выходили люди, их силуэты вырисовывались в тусклом свете фонарей. Обычный вечерний гомон в таверне стих. Вместо него воцарилась тишина. Лишь их шаги по каменной брусчатке да десятки глаз, следивших за ними из полумрака. В этих взглядах не было радости. Лишь тяжелое, напряженное ожидание.

Не прошло и часа, как хозяин таверны, заикаясь от волнения, сообщил, что их срочно просят спуститься в общий зал.

Зал был прокуренным и тесным. За длинным дубовым столом сидели главы старейших семей. В центре, рядом с пустым местом бургомистра, сидел Старый Хакон. Справа от него расположились фермеры во главе с расчетливым Тобином Хейвордом, а слева — ремесленники, среди которых выделялся своей мощной фигурой Фендрель-кузнец. Среди них и были родители Ребекки, Конуэя и Силиана. В дальнем, самом темном углу стола, сидели еще двое. Мужчина с лицом, выжженным годами странствий, и тяжелым взглядом человека, повидавшего слишком многое, и женщина с глазами цвета нефрита, чье красивое лицо оставалось холодным и неподвижным. Милтон и Лианна Карс.

Когда троица вошла, Мойра Хейворд первой сорвалась с места. Она бросилась к дочери, сжимая ее в объятиях.

— Дома... — шептала она, целуя Ребекку в макушку. — Наконец-то дома. Я уже поставила тесто на пирог. Твой любимый, с ягодами. Тебе нужно отъесться, ты такая бледная...

Гарет Хейворд стоял рядом, неловко улыбаясь в усы.

— Дай ей вздохнуть, Мойра, — мягко сказал он, но его глаза лучились счастьем. — Завтра поговорим. А сейчас им нужно просто выспаться в своих кроватях. Крыша в сарае прохудилась, Бекки, без твоей помощи никак...

Отец Конуэя, Грор, хлопнул сына по широкой спине так, что тот пошатнулся.

— Ну что, нагулялся, рудокоп? — прогудел он с довольной ухмылкой. — Хватит с нас героев. В третьей штольне хорошая жила открылась. Нужны твои руки.

Бранд Арнхольд просто сжал плечо Силиана, кивнув:

— Мать уже готовит баню. Отмоешься, забудешь эту грязь как страшный сон.

Они строили планы. Родители были уверены, что кошмар закончился.

— Мы не останемся, отец, — произнес Конуэй.

Грор замер, не убирая тяжелой руки с плеча сына. Улыбка медленно сползла с его лица.

— Что ты сказал?

— Мы не останемся, — тверже повторил дварф, делая шаг назад, чтобы видеть весь Совет. — Никаких штолен. Никаких крыш. Завтра на рассвете мы уходим.

В зале повисла тишина. Старый Хакон нахмурил кустистые брови.

— Ты перегрелся в дороге, парень? — проскрипел он. — Вы только что вернулись. Куда вас опять несет?

— В Квандилм. К Королю, — вступила в разговор Ребекка. Ее голос дрожал, но она заставила себя смотреть в глаза матери, которая начала бледнеть.

— К Королю? — удивился Тобин Хейворд. — Зачем простым людям ехать к Королю? У вас проблемы с законом?

— У нас к нему поручение, — спокойно ответил Силиан. — Дело государственной важности.

— Какое еще поручение? — нахмурился Грор.

Конуэй вышел в центр зала. Он говорил взвешенно, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но не пугающе.

— То, что мы нашли в экспедиции... то, ради чего погиб Адриан... это не просто старые руины или сокровища. Это сведения, которые касаются безопасности границ всего королевства.

Он обвел взглядом присутствующих.

— Мы не можем говорить об этом открыто. Но эта информация настолько важна, что передать ее мы должны лично в руки Его Величеству. Любой гонец может потерять письмо или продать его. Мы не имеем права так рисковать.

— Вы хотите сказать, — медленно произнес Гарет Хейворд, — что смерть Адриана... была связана с какой-то тайной Короны?

— Его смерть дала нам возможность сохранить эту тайну и доставить ее по назначению, — уклончиво, но твердо ответила Ребекка. — Это наш долг перед ним. И перед страной. Мы не можем просто сесть чинить крыши, зная, что Король не в курсе того, что происходит на рубежах.

Родители переглянулись. Страх сменился уважением и тревогой.

— Это опасно? — тихо спросила Мойра.

— Дорога всегда опасна, мам, — мягко улыбнулась Ребекка. — Но само поручение... это просто доклад. Мы передадим сведения, получим аудиенцию и вернемся.

Милтон Карс медленно поднялся со своего места. Он понял их замысел — они не хотели пугать родню. И он решил подыграть им, придав их словам вес.

— Они говорят дело, — веско произнес он. — Адриан писал мне... незадолго до конца. Он нашел нечто важное. Если эти трое говорят, что это должен слышать Король — значит, так оно и есть.

Он посмотрел на Конуэя, потом на Силиана и Ребекку. В его взгляде читалась благодарность за то, что они пощадили остальных, не став говорить о монстрах.

— Совет не должен препятствовать посланникам, выполняющим последнюю волю моего сына. Это вопрос чести.

Грор Брактор шумно выдохнул, опустив голову.

— К Королю, значит... — пророкотал он. В его голосе смешались гордость и досада. — Ну, раз дело государственной важности... кто я такой, чтобы спорить с Коронай?

Напряжение спало. Родители все еще были расстроены скорой разлукой, но теперь они видели в этом смысл. Их дети едут не искать приключений на свою голову, а выполнять важную миссию. Теперь это выглядело не как безрассудная погоня за опасностью, а как долг.

Совет закончился поздно. Споры и тяжелые воспоминания вымотали всех. Было решено разойтись по домам. Мысль о том, чтобы провести эту последнюю ночь в настоящей кровати, под родной крышей, была единственным светлым пятном за весь день.

Утро встретило их холодным горным воздухом и низкими серыми облаками. Они сходились к площади у таверны с разных концов городка. Родители шли рядом, провожая их до коновязи.

Мойра Хейворд сунула своей дочери в переметную суму тяжелый сверток с вяленным мясом и сыром.

— Смотри, чтобы тебя при дворе не обижали, — напутствовала она, поправляя плащ на плечах Ребекки. — И держи спину прямо. Ты ничем не хуже ихних леди.

Грор Браккор молча передал сыну кошель, туго набитый монетами. Конуэй коротко кивнул, убирая кошель, и на мгновение коснулся кармана плаща.

— Не опозорь нас перед Королем, — буркнул Грор. — Говори четко, по делу. И не лезь в драку без нужды.

Бранд Арнхольд вручил Силиану теплые одеяла.

В этот момент к ним подошли Милтон и Лианна. Милтон пожал руки Силиану и Конуэю. В его тяжелом взгляде читалось уважение.

— Вы все сделали правильно, — тихо сказал он, чтобы слышали только они. — Не нужно им знать про тьму. Пусть спят спокойно, пока могут.

Лианна же подошла к Ребекке и протянула ей небольшой, туго свернутый и запечатанный воском свиток.

— В Квандилме не все будут рады вашему появлению, — тихо, но отчетливо произнесла она. Ее взгляд привычно скользнул по лицам присутствующих, отмечая каждую мелочь. — Здесь несколько имен. Старые контакты из Гильдии. Те, кому еще можно доверять. Скажешь, что от меня. Они помогут, если возникнут проблемы.

Ребекка молча кивнула, убирая свиток во внутренний карман.

Затем Лианна просто положила свою ладонь ей на плечо, и в этом коротком прикосновении Ребекка почувствовала все, что не было сказано вслух: безмолвное признание, тихую благодарность и общую, на двоих, боль по тому, кого они обе любили.

Родители стояли посреди улицы, глядя, как их троица выезжает из города, все дальше отдаляясь от них.

Путь на север из Стонхейма вывел их на старый тракт, который вился вдоль западного подножия горной гряды. Здесь ландшафт резко менялся. Уютные, обжитые холмы юга остались позади, уступив место суровой, дикой красоте лесостепи. Справа от них тянулась горная гряда. Ее скалистые пики терялись в низких серых облаках. Слева же, до самого горизонта, простирались бескрайние, продуваемые ветрами равнины, поросшие высокой, выгоревшей на солнце травой и редкими, корявыми рощами. Воздух был чистым и холодным, а тишина — такой глубокой, что, казалось, можно было услышать, как ветер шепчет в камнях.

Первые несколько дней они ехали почти в полном молчании. Тяжесть прощания и неопределенность будущего давили на них. Но дорога, со своим размеренным ритмом — стук копыт, скрип седел, смена дня и ночи — постепенно делала свое дело, залечивая свежие раны. На третий день, когда они остановились на привал у небольшого, безымянного ручья, Силиан одним мощным ударом топора расколол сухой ствол для костра.

Ребекка, наблюдавшая за ним, хмыкнула, и в ее голосе впервые за долгое время прозвучали нотки старой, дружеской насмешки.

— Если так дальше пойдет, Силиан, ты скоро оставишь все королевство без дров.

Силиан, не отрываясь от дела, лишь пожал плечами.

— Зато тепло.

Конуэй, который сидел на камне, чистя линзы своих очков, вдруг тихо произнес, глядя куда-то в пустоту:

— Адриан бы просто нашел те синие грибы. Помнишь? Он клялся, что они горят, как dwarфийский уголь.

Ребекка и Силиан замерли. Это было так не похоже на Конуэя — вспоминать о какой-то глупой, почти детской затее. Ребекка мягко улыбнулась.

— Помню. А потом мы всю ночь отмывали котелок от синей сажи.

— Зато было весело, — так же тихо добавил Конуэй, и в его голосе прозвучала такая глубокая, неприкрытая тоска, что Ребекка почувствовала укол в сердце.

Она подошла и села рядом с ним, подбросив в разгорающееся пламя охапку сухой травы.

— Ладно, ученый, — сказала она мягко. — Грибов у нас нет. Давай обойдемся обычными дровами. Садись ближе к огню.

Силиан, который все это время молча слушал их, закончил рубить дрова и подошел к костру. Он посмотрел на мерцающее пламя, потом на своих друзей.

— Хватит разговоров, — глухо произнес он. — Нужно отдохнуть. Дорога завтра будет долгой.

На следующий день впереди показалась медленно ползущая телега, запряженная седым мулом. На облучке сидел жизнерадостный мужчина средних лет в потертой кожаной куртке. Он помахал им рукой.

— Приветствую вас, добрые путники! Я Элиас, торговец. Держу пари, тоже в Квандилм путь держите?

Он оглядел троицу.

— Дорога неблизкая, и ехать в одиночестве, по правде говоря, скука смертная, да к тому же небезопасно, — он понизил голос. — Говорят, по этому тракту разбойники ходят, а ночью еще и волки шастают. Как насчет того, чтобы пойти дальше вместе? До ближайшей таверны еще не скоро, так хоть скоротаем время за разговорами. А вы сами-то откуда будете?

— Я Ребекка. Это Конуэй, а это Силиан. Мы из Соултсбери, — она переглянулась с друзьями. — И да, вы правы. Мы тоже направляемся в Квандилм. Думаю, компания нам не помешает.

— Вот и славно, — улыбнулся Элиас. — Ну, в добрый путь нам всем.

Торговец принялся напевать какую-то незнакомую мелодию. Друзьям она напомнила старинную свадебную песню.

Телега торговца была забита всякой всячиной — от мешков со специями до деревянных игрушек и дешевых амулетов. Элиас был рад компании, а они, после нескольких дней в пути, — возможности поговорить с кем-то, кто не знал их истории.

Следующие две недели их путешествие обрело новый, почти мирный ритм. Днем они медленно двигались по тракту, слушая бесконечные байки Элиаса о жадных таможенниках и глупых разбойниках. Вечера они проводили у костра, и торговец, оказавшийся неплохим поваром, готовил на всех похлебку, щедро приправляя ее своими специями. Он не задавал лишних вопросов, видя в них лишь троих молодых людей, отправившихся в столицу на заработки, и его простодушная болтовня была для них как бальзам на душу. Они почти забыли, что весь юг знает их как «Героев Забытого Храма». Они снова были просто Ребеккой, Конуэем и Силианом.

К исходу второй недели пути, когда тракт начал уходить чуть восточнее, огибая отрог гор, они увидели маленькую деревушку, притулившуюся у самого подножия. Последняя остановка перед долгим переходом к столице. Деревня состояла всего из десятка домов и одной таверны, чья вывеска с изображением лошадиной сбруи обещала тепло и отдых. Таверна так и называлась — «Крепкая сбруя».

Внутри стоял плотный гул голосов. Местные фермеры, несколько проезжих торговцев и пара охотников собрались здесь, чтобы пропустить кружку эля и послушать новости. В углу, на импровизированной сцене, выступала небольшая труппа бродячих артистов. Худощавый менестрель с лютней пел забавную балладу о драконе, который боялся мышей, а рядом с ним ловкий, улыбчивый жонглер подбрасывал в воздух сначала три, потом четыре, а потом и пять разноцветных шаров под одобрительные крики толпы.

Их четверка устроилась за дальним столом. Элиас тут же заказал всем по большой кружке лучшего эля. Ребекка, наблюдая за жонглером, впервые за долгое время рассмеялась — по-настоящему, открыто и беззаботно. Конуэй, хоть и сохранял серьезный вид, с явным интересом слушал балладу, отстукивая пальцами ритм по столу. Даже Силиан, глядя на веселье, позволил себе легкую, почти незаметную улыбку. В этот короткий вечер, в забытой богами таверне, они были просто молодыми людьми, которые радовались теплу, еде и незатейливому представлению.

Они покинули «Крепкую сбрую» на рассвете, оставив позади тепло и уют маленькой деревушки. Тракт снова повел их на север, и следующие несколько дней пути слились в однообразную череду серых, продуваемых ветрами равнин и редких, чахлых лесов. Горы теперь были далеко справа, их зубчатые пики едва виднелись на горизонте. Здесь, на подступах к столице, дорога стала шире и оживленнее. Их все чаще обгоняли патрули Королевской Гвардии в блестящих доспехах и груженные караваны, направлявшиеся в Квандилм.

На третий день после деревни, когда они остановились на привал у старого, поросшего мхом каменного моста, перекинутого через высохшее русло ручья, Элиас, помешивая в котелке свою неизменную похлебку, бросил на них любопытный взгляд.

— Слушайте, ребята, я, конечно, человек простой, — добродушно начал он, — но слухи по тракту летят быстрее птиц. Говорят, на юге, в Соултсбери, творилась какая-то чертовщина. Тени, пожар в доках... Вы ведь оттуда будете? Небось наслушались всякого?

Друзья переглянулись. Ребекка взяла слово, ее улыбка была легкой, но в глазах промелькнула настороженность.

— Слышали, конечно. В портовых городах всегда полно страшных баек. В лесах завелись бандиты, стража подняла шум — вот люди и напридумывали лишнего.

— Бандиты, говоришь? — Элиас задумчиво почесал подбородок. — Ну, вам виднее. А то чего только не болтают... Ладно, не будем о грустном! Раз уж у нас привал, расскажу-ка я вам лучше настоящую легенду, а не портовые сплетни.

Он сделал драматическую паузу, убедившись, что привлек их внимание.

— Когда я проезжал через северные земли Телмара, в одной таверне под Талли я слышал одну странную местную байку. Старики там клянутся, что одна из гор в их предгорьях, та, что вечно окутана туманом, — не простая. Они зовут ее Сторожевой Горой.

Элиас понизил голос до таинственного шепота.

— Говорят, что в самой ее сердцевине древние маги спрятали огромный сигнальный колокол. Не из бронзы и не из железа — из чистой магии. Его никто никогда не видел, и большинство считает это просто сказкой, чтобы пугать детей. Он молчит уже тысячу лет. А зазвонит он лишь однажды. Говорят, его можно будет услышать по всему королевству только в тот день, когда древний враг, давно изгнанный за границы мира, решит вернуться. Его звон станет первым и последним предупреждением о грядущей войне.

Торговец закончил и с довольным видом зачерпнул ложкой похлебку. Ребекка усмехнулась.

— Красивая сказка, Элиас. Наверное, ее придумали, чтобы стражники в Талли не спали на посту.

— Естественно, это небылица, — тут же поддержал ее Конуэй. — Магический колокол... Это же фольклор. Скорее всего, легенда основана на каком-нибудь реальном явлении. Например, ветер проходит через ущелья и создает гул.

И тут раздался тихий, глубокий голос Силиана.

— А что, если нет?

Ребекка и Конуэй удивленно посмотрели на него. Элиас тоже с любопытством уставился на мрачного гиганта.

— Это ты к чему, дружище? — добродушно спросил торговец. — Думаешь, и правда колокол в горе сидит?

Сириан медленно поднял взгляд от огня, и в его глазах не было ни страха, ни веры в сказки. Лишь холодная, тяжелая усталость.

— Я не знаю, что сидит в горе, — глухо произнес он. — Но я знаю, что на севере стоят стены. А стены просто так не строят.

Элиас удивленно моргнул, на миг утратив свою обычную веселость.

Первой опомнилась Ребекка. Она подбросила в костер еще одну ветку, и сноп искр взметнулся в ночное небо, прогоняя тени.

— Хватит об этих северных страшилках, — сказала она с напускной бодростью. — От них только аппетит пропадает. Расскажи лучше о себе, Элиас. Ты всю жизнь в Квандилме прожил?

Торговец широко улыбнулся, явно обрадовавшись смене темы.

— Родился и вырос, милая леди. Мой отец держал лавку с пряностями у Западных ворот, и я с детства знаю каждый камень в мостовой этого города.

— И как там живется? — спросил Конуэй, машинально поправляя очки. — В Соултсбери говорят, что у вас все по струнке ходят, а на улицах так чисто, что можно есть прямо с брусчатки.

Элиас рассмеялся так заразительно, что даже Конуэй невольно поднял бровь.

— Ну, насчет еды с брусчатки — это они преувеличивают, конечно! Но порядок — это да, это у нас в крови. Весь город как огромный часовой механизм. В шесть утра бьет колокол Цитадели — открываются ворота и рынки. В полдень — второй удар, время обеда. В девять вечера — третий, и будь ты хоть сын самого короля, ночная стража вежливо, но настойчиво попросит тебя отправиться домой.

— Звучит... скучно, — протянула Ребекка.

— Поначалу — да, — согласился торговец. — А потом привыкаешь. В этой предсказуемости есть своя прелесть. Ты всегда знаешь, где найти лучшего пекаря, а где — самого честного мясника. Знаешь, что в Квартале Мудрецов, у Великой Библиотеки, всегда тихо, а в Ремесленном — всегда стучат молотки. Это не такой живой и сумасшедший город, как ваш Соултсбери, но он надежный. Как хороший дварфийский механизм. Все на своем месте, — подмигнул он Конуэю.

— А правда, что в вашей библиотеке есть книги на всех языках мира? — спросил Конуэй, его глаза загорелись.

— Правда, — с гордостью кивнул Элиас. — Говорят, ее подвалы уходят под землю глубже, чем Цитадель возвышается над ней. Там есть и дварфийские рунные таблицы, и даже несколько страниц из тех самых «Хроник Раскола» — если верить слухам. Но туда просто так не пускают. Нужно специальное разрешение от самого королевского архивиста. А он, старый ворчун, выдает их реже, чем в наших краях случаются землетрясения.

Они еще долго сидели у костра, слушая рассказы Элиаса о жизни в столице. Он говорил о ежегодном Фестивале Зажжения Фонарей, о вкусе знаменитых квандилмских медовых пирожных. Его простые, бытовые истории уносили их далеко от воспоминаний о тенях и битвах, рисуя образ огромного, сложного, но вполне обычного мира, который они и поклялись защищать. Эта ночь у костра стала для них последней передышкой перед холодной каменной громадой столицы.

Оставшийся путь до Квандилма они проделали почти без остановок. И вот, спустя двадцать два дня дороги, они поднялись на вершину высокого холма.

Перед ними, раскинувшись в широкой долине, лежал Квандилм.

От вида столицы они невольно остановились. Белая стена охватывала город ровным кольцом. За ней поднимались серые крыши, башни и шпили, а в самом центре города возвышалась светлая Королевская Цитадель, высокая настолько, что ее было видно еще с дальних холмов. От ворот к ней шла широкая прямая улица. Даже отсюда было заметно, как ровно расходятся остальные улицы и насколько плотно стояли городские кварталы. За стенами тянулись поля и фермы. Дальше, слева от города, блестела река. К главным воротам медленно двигалась длинная вереница повозок, всадников и пеших путников.

Спуск с холма и дорога до ворот заняли почти час. Там они влились в общий поток и вскоре оказались зажаты в плотной толпе. Воздух наполнился гулом сотен голосов и скрипом колес. Здесь были все: фермеры, везущие на рынок овощи; купцы в добротных одеждах, зорко следящие за своими охранниками; бродячие монахи в серых рясах; dwarфы-ремесленники с тяжелыми инструментами за спиной. Порядок в этом хаосе поддерживали патрули Королевской гвардии. Их доспехи из вороненой стали и высокие шлемы без забрал внушали не столько страх, сколько ощущение неотвратимости. Они не кричали и не толкались, а двигались сквозь толпу, как железные клинья, и люди безропотно расступались перед ними.

У самых ворот им предстояло расстаться с Элиасом. Торговец остановил своего мула и обернулся к ним с добродушной улыбкой.

— Ну что, друзья, вот мы и дома! Дальше наши дороги расходятся. Мне — в Торговый квартал, разбирать товар, а вам, я так понимаю, к важным господам в Цитадель.

Он по очереди пожал им руки.

— Спасибо за компанию. С вами дорога была короче и веселее. Если вдруг понадобится — спрашивайте, где найти Элиаса в лавке «Медовый пирог». Любой в Торговом квартале покажет. Удачи вам с вашими делами. И не давайте столичным чинушам себя в обиду!

Они тепло попрощались, и телега Элиаса влилась в поток, уходивший вправо, к рыночным улицам. А им предстояло идти прямо, к административному сектору.

У ворот несколько чиновников в одинаковой серой форме работали за высокими деревянными конторками, методично проверяя документы у каждого входящего. Их лица казались одинаково усталыми, будто город давно стер с них всякое выражение.

Когда подошла их очередь, Конуэй шагнул вперед, достал из внутреннего кармана плаща сложенный втрое пергамент с тяжелой сургучной печатью лорда-мэра Вестхолма и протянул его ближайшему чиновнику.

За конторкой сидел худой молодой человек с бледным лицом и чернильными пятнами на пальцах. Его серая форма была застегнута до самого горла, а взгляд оставался пустым, словно за этот день он уже видел сотню одинаковых чужих бед.

— Мы посланники из Соултсбери, — сказал Конуэй, стараясь говорить ровно. — Срочное донесение для Его Величества, короля Терона Валериуса. Прощение о личной аудиенции скреплено печатью лорда-мэра Галена Вестхолма.

Чиновник наконец взглянул на печать. Повернул пергамент так, чтобы свет лучше падал на сургуч. Затем сверился с толстой регистрационной книгой и поставил на полях сухую отметку пером.

— Ваше прощение принято и зарегистрировано, — монотонно произнес он.

— Принято? — Ребекка шагнула ближе. — Это срочное донесение, а не просьба о месте на рынке.

— Все, что поступает в Королевскую канцелярию, является прошением до вынесения первичной резолюции, — отчеканил чиновник, не поднимая глаз. — Срок первичного рассмотрения — семь дней.

— Семь дней? — переспросил Конуэй.

В его голосе не было возмущения, только холодное неверие.

— Семь дней при наличии печати лорда-мэра, — уточнил чиновник. — Без печати срок составил бы от трех до шести недель. Проверить состояние дела сможете в Канцелярии входящих прошений после полуденного колокола на седьмой день. Следующий.

Они замерли, ошарашенные таким приемом. Их статус «героев», срочная миссия, печать лорда-мэра — все разбилось о стену заведенного порядка. Чиновник махнул рукой стражнику, и тот жестом указал им проходить в город.

Они вошли в Квандилм, чувствуя себя униженными и растерянными. Изнутри город казался еще строже, чем с холма. Главная улица вела прямо к Цитадели. Белые каменные плиты под ногами были вымыты до блеска, а здания по обе стороны стояли ровными рядами: серые, высокие, почти без украшений. Даже людской шум здесь казался сдержаннее, чем в Соултсбери.

Они миновали Ремесленный квартал, откуда доносился ритмичный стук сотен молотков, затем — Квартал Мудрецов, где в тишине возвышалась Великая Библиотека. Наконец они вышли на широкую площадь перед самой Цитаделью. Здесь было меньше людей, а те, что встречались, были либо гвардейцами в парадной форме, либо важными чиновниками, спешащими по своим делам и не замечавшими никого вокруг.

— Нам нужно найти таверну, — сказала Ребекка, осматриваясь. — И желательно поближе к этому месту. Чтобы не пропустить, когда нас «соблаговолят» вызвать.

Их выбор пал на таверну под названием «Рассвет». Она находилась на боковой улочке, но ее окна выходили прямо на одну из башен Цитадели. Таверна была чистой, тихой и дорогой. Они сняли одну комнату на троих.

Вечером, сидя за столом в почти пустом общем зале, они молча пили разбавленный эль. Настроение было подавленным.

— Семь дней, — вдруг сказал Конуэй. — Он сам назвал срок. Если к седьмому дню дело не сдвинется, я начну действовать по-своему.

— А что мы будем делать все это время? — спросила Ребекка. — Просто сидеть и ждать? Деньги не вечные.

— Завтра найдем работу, — глухо ответил Силиан. — Я не собираюсь сидеть сложа руки.

Глава 3

Солнце, огромное и нещадное, стояло высоко над головой. Его лучи заливали потрескавшуюся землю и древние, разрушенные камни, что возвышались посреди бесконечной пустыни. Воздух был горячим и сухим, обжигал легкие при каждом вдохе. Я с трудом сфокусировал взгляд на лице Киран, все еще ощущая фантомную боль от пережитого кошмара.

В голове до сих пор мелькали разрозненные образы: схлопнувшийся барьер Твердыни Теней, отделивший меня от друзей; пульсация моей собственной силы, заполнившей зал рябью в ткани реальности; три манящих тьмой разрыва в пространстве. Мой разум кричал, тело горело. Рискнуть или умереть. Я прыгнул в крайний правый портал, и всплеск энергии швырнул меня сквозь него.

И вот я был здесь. Живой. А передо мной — эта ведьма.

Из рассказов матери о Киран и ее роли в моем рождении я помнил немного. Только обрывки. И тревогу, которую она пыталась скрыть.

— Откуда... ты здесь? — прохрипел я.

Киран, казалось, не сразу услышала меня. Она провела рукой по песку, медленно вычерчивая какие-то символы, похожие на извивающихся змей. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, за мои плечи, на каменные громады.

— У моего народа есть притча, — наконец начала она, ее голос был низким, почти гипнотическим, как шепот ветра между скал. — О страннике. Он придет не с моря, как наши предки, а из сердца Башни Полночи.

Она кивнула в сторону руин, которые я до сих пор воспринимал как простые развалины.

— Подожди, — прервал я ее. — Какая еще Башня? Я вижу только груды камней.

— Для тебя — камни. Для меня — эхо того, что здесь стояло, — спокойно ответила она, не отрывая взгляда от руин. — Притча гласит, что это произойдет, когда сила волной прокатится по миру. Такой мощной, что сотрясет само бытие.

Я инстинктивно коснулся груди. Это был я. Моя сила.

— Этот странник... он сможет направлять разумы народа, — продолжала Киран. — И когда он придет, он принесет мир в их земли.

Направлять разумы. Как Владыка? Холод пробежал по моей спине, несмотря на палящий зной.

— Ты хочешь сделать из меня чудовище? — вырвалось у меня резче, чем я хотел.

Киран наконец подняла на меня взгляд, и ее глаза смотрели с такой пристальностью, словно видели сквозь плоть до самой души.

— Когда я помогала твоей матери направить жизненную силу при твоём зачатии, я почувствовала это. Не только дар. Не только силу разума. Что-то глубже. Тогда это было лишь предчувствие. Но почти две луны назад... эхо твоей силы волной прокатилось по миру. — Она резко указала на мою грудь. — Это было оно. Притча пустила корни в яви. Я знала, что ты где-то там, на грани миров, и что твой путь сюда будет долгим. Я больше не могла оставаться в Соултсбери. Я нашла корабль, идущий к этим берегам, а здесь... просто следовала за зовом. Он и привел меня сюда. К тебе.

Я замер. Голова гудела от жары, но одно слово врезалось в сознание и не отпускало.

— Подожди, — прохрипел я, с трудом ворочая пересохшим языком. — Что ты сказала? Две луны?

Она молча кивнула, ее взгляд был спокоен и выжидателен.

— Этого не может быть. — Я покачал головой, пытаюсь отогнать наваждение. — Битва в Храме, прыжок... это было всего несколько дней назад. Недель, в лучшем случае. Не два месяца.

Киран посмотрела на меня с легкой тенью сочувствия, как смотрят на ребенка, который впервые узнал, что мир устроен не так просто, как ему казалось.

Ее слова обрушились на меня, как лавина. Два месяца. Пока я был в небытии, для них прошла целая вечность. Они искали меня. Плакали. Похоронили. Мысль была такой чудовищной, что я пошатнулся.

— Значит, они... — голос сел. — Они думают, что я мертв.

— Они живут дальше, — мягко, но безжалостно поправила Киран. — А у тебя — свой путь. Идем. Пустыня не ждет.

Я чувствовал, как под тяжестью всего, что я только что узнал, опускаются плечи.

— Допустим, — я с трудом заставил себя говорить. — Допустим, я тебе верю. Но что значит «долг моей матери»? Раз уж я здесь застрял, я хотя бы должен знать, за что именно должен расплачиваться.

Впервые в ее взгляде я увидел нечто большее, чем древнюю мудрость. В глубине этого взгляда таилась старая, неисцеленная рана.

— Долг — это не всегда золото или услуги, Рик, — тихо произнесла она. — Иногда это — восстановленное имя. Искалеченная судьба. Моя судьба.

Киран присела на один из теплых от солнца камней — и вдруг перестала казаться древней пророчицей. Передо мной была просто уставшая женщина.

— Я не всегда была изгнанницей, живущей в лесу на чужбине. Я родилась тут, в Диких Землях.

— Здесь? — Я обвел рукой выжженную пустыню. — Не лучшее место для рождения.

Уголок ее губ дрогнул в горькой усмешке.

— Мой дом не здесь. Он на востоке, — она махнула рукой в сторону далеких, туманных очертаний гор. — Там, где скалы касаются неба, а ветер поет в ущельях. Мой народ, племя Скисс-Тарн, — народ гор. А мой отец... он был нашим вождем.

Она замолчала, и я впервые увидел, сколько боли скрывалось за ее спокойствием.

— Был? — осторожно спросил я.

Ее взгляд потемнел от воспоминаний.

— Этот континент держится на четырех великих племенах, — сказала Киран. — Дрег-Уул владеют степями северо-востока. Кса-Рок живут здесь, среди камня и песка. Зив-Ракша — в южных джунглях. А мы, Скисс-Тарн, — в горах. Когда пришло время избрать Верховного вождя всех четырех племен, мой отец должен был занять это место. Но этого не случилось.

— Почему?

— Тогдашний вождь Дрег-Уул... он был амбициозным и жестоким человеком. Он оклеветал моего отца. Оклеветал всю нашу семью.

— Оклеветал? И все просто поверили? — Я не мог скрыть недоверия. — У вас казнят за слова?

— Казнят за кощунство, Рик, — ее голос стал ледяным. — Он обвинил моего отца в самом страшном грехе, какой только может вообразить наш народ. Он сказал, что мой отец тайно провел запретный ритуал... ритуал подчинения.

Я напрягся. Это слово было мне слишком знакомо.

— Он заявил, — продолжала Киран, — что мой отец не служит духу-покровителю нашего племени, а силой подчинил его, заковал его волю в оковы. Сказал, что вся мудрость моего отца — это не дар духа, а слова раба, шепчущего из своей клетки.

Я ошеломленно смотрел на нее. Подчинение духа. Это было сродни тому, что делал Владыка, поработав души. И теперь эта женщина говорит, что я, обладающий похожей силой, должен ей помочь. Мир умел смеяться мне в лицо.

Я посмотрел на Киран и впервые увидел в ней не загадочную ведьму, а человека, чью жизнь растоптали.

— Так чем же я могу помочь? — наконец спросил я. Голос прозвучал ровно, и я сам удивился своему спокойствию. — Если я должен уплатить долг, скажи, в чем он заключается.

Киран медленно поднялась с камня, ее взгляд снова обрел решимость.

— Чтобы восстановить доброе имя моей семьи, недостаточно просто прийти и заявить об их невиновности. Здесь, в Диких Землях, слова доказывают делами.

— Какими делами? — с ноткой цинизма спросил я. — Я должен бросить вызов тому вождю, который вас оклеветал?

— Нет. Мы должны заручиться поддержкой тех, кто выше любых вождей. Духов этой земли. Нам придется пройти их суровые испытания. Всех четырех.

Я уставился на нее. Четыре испытания. Это звучало как завязка какой-то сказки, в которую я вляпался по уши.

— Хорошо, — медленно произнес я, и это решение принесло странное облегчение. — Допустим. Я помогу тебе. Но я чужак. Зачем мне благословения ваших духов? Они мне даже не ответят.

Уголки губ Киран дрогнули в едва заметной, но теплой улыбке. Это было первое проявление эмоции, не окрашенной горечью.

— Всякий, кто вступил на Дикие Земли, способен говорить с ними, Рик. Эта земля живая. Но после того, что случилось с моей семьей... духи перестали отвечать мне. Великий Орел Скисс-Тарн молчит для меня. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Я могу провести тебя, я знаю тропы и обычаи. Но говорить с ними придется тебе. Ты — мой единственный шанс услышать их снова.

Теперь я понял. Я был не просто помощником. Я был ее ключом. Не предвестником беды, как в моем проклятом прошлом, а проводником к ее искуплению.

Молчание затянулось. Наконец Киран посмотрела на восток, где за маревом пустыни угадывались горы.

— Наш путь начинается на юге, — сказала она уже более деловым тоном. — В нескольких днях отсюда есть оазис и поселение Аккрин. Там живет Шикра, шаманка Кса-Рок. Она поможет нам начать первое испытание — заслужить благословение духа-скарабея.

Глава 4

Третий день пути превратил мир в раскаленную печь. Бесконечное, слепяще-белое солнце висело в выцветшем небе, и дрожащее марево у горизонта стирало границу между землей и воздухом. Тишина давила на уши, нарушаемая лишь скрипом песка под нашими ногами и моим собственным сбившимся дыханием.

Первые два дня, когда мы шли под безразличным взглядом чужих звезд, казались почти легкой прогулкой по сравнению с этим. Ночами Киран разводила крошечный костерок из сухого саксаула, и ее тихий голос становился единственным ориентиром в холодной тьме.

Я брел, опустив голову, и ее рассказы эхом звучали у меня в сознании. Про детей горного орла, Скисс-Тарн, чей дом — неприступные пики, которые сейчас лишь угадывались туманным миражом на востоке. Про воинственных Дрег-Уул, детей медведя, чья ярость, по ее словам, подобна грозовой туче в степи. Я пытался представить себе степь, зеленую и живую, но перед глазами плясали лишь раскаленные камни. Здесь, в мертвой пустыне, правили дети скарабея, Кса-Рок, и я поневоле начал понимать их прагматизм и выносливость.

Мы остановились на привал в скудной тени одинокого утеса, по форме напоминавшего коготь гигантской птицы. Я рухнул на землю, чувствуя, как гудит все тело. Каждая мышца протестовала. Язык прилип к небу, а во фляге оставалось всего несколько глотков теплой воды.

Киран же двигалась с размеренной грацией. Она достала свою флягу, сделала экономный глоток, и я невольно засмотрелся на блестящие капли на ее губах. За три дня в этом аду ее кожа почти не обветрилась. Только движения стали чуть медленнее, да у висков темнели влажные пряди.

— Киран, — прохрипел я, нарушая тишину. — Можно вопрос?

Она молча кивнула, глядя на горизонт, словно могла видеть сквозь марево что-то недоступное мне.

— Я все думаю о твоём рассказе. Об изгнании... Все это было много лет назад. Но ты... ты совсем не выглядишь на свой возраст. Кажется, время тебя попросту не касается. Как это возможно?

Она медленно повернула голову. В ее темных глазах на мгновение промелькнула тень той самой горькой усмешки.

— Потому что по меркам моего народа я все еще молода, — ответила она. — Наша связь с духами Диких Земель — это не просто вера, Рик. Это симбиоз. Тем, кто преданно служит им, духи дарят частичку своей сущности. Долгую жизнь.

Она посмотрела на свои ладони, словно видела на них линии судьбы.

— Мне пятьдесят лет. Но на вид, как сказали бы в твоём мире, едва дашь тридцать. Духи замедляют течение времени для тех, кого избирают. А иногда... даруют и иные способности. Шаман Кса-Рок может чувствовать движение под песком, а лучший охотник Зив-Ракша — видеть в темноте.

Пятьдесят лет. Слово эхом отозвалось в моем гудящем от жары мозгу. Я вглядывался в ее лицо, ища хоть намек на морщины, и не находил. Это было непостижимо. Сила, способная удерживать возраст.

— Но, — продолжила она, и ее голос стал тише, а тень грусти вернулась в ее глаза, — дух моего племени отвернулся от меня. Орел больше не поет мне свою песню. Из-за этого дары перестают действовать. Связь слабеет с каждым днем. — Она обвела рукой пустыню. — Я чувствую этот жар почти так же остро, как и ты. И вскоре возраст, который я так долго держала в узде, возьмет свое. Время безжалостно, Рик. Оно всегда забирает долги.

К вечеру пейзаж начал меняться. Безжизненная, потрескавшаяся глина уступила место твердому песку, а на горизонте, в багровых лучах садящегося солнца, замерцало что-то, похо-

жее на дрожащую гладь воды. Это не был мираж. После трех дней ада я бы почувствовал фальшь. Это была надежда.

Вскоре мы увидели и первые признаки жизни. Из песка, словно его естественное продолжение, выростали приземистые, округлые домики из глины и прессованного камня. А за ними, как драгоценность в грубой оправе, раскинулся оазис. Водоем с зеркально чистой водой, окруженный раскидистыми пальмами и упрямыми цветами, цеплявшимися за жизнь у самой кромки воды.

Наше появление не осталось незамеченным. Из прохода между домами вышли двое — почти юноши, облаченные в свободные одежды цвета песка. В их руках блестели клинки с изогнутыми лезвиями, похожими на жвала гигантского насекомого. На гарде каждого меча виднелся узор в виде скарабея. Мое тело напряглось по старой привычке, рука инстинктивно легла бы на рукоять меча, если бы он у меня был.

Они остановились в нескольких шагах. Старший приложил сжатый кулак к сердцу и, склонив голову, произнес низким, гортанным голосом:

— Да не иссушит твой путь палящее солнце.

Я молчал, не зная, что это — пароль, угроза или благословение. Но Киран с невозмутимым спокойствием повторила его жест.

— И да найдет он тень под гостеприимным камнем.

Лица парней смягчились. Они убрали клинки, и я позволил себе выдохнуть.

— Вы пришли с миром, путники. Наше племя радо разделить с вами воду и пищу. Пройдемте в общий дом.

Нас провели к самому большому строению в центре. Внутри было прохладно и пахло дымом, жареным мясом и пряными травами. Десятки людей сидели на циновках вокруг очага. На нас, чужаков, смотрели с любопытством, но без враждебности. Нас усадили, и кто-то тут же вложил мне в руки глиняную кружку. Вода была чистой, прохладной, и я никогда в жизни не пил ничего вкуснее. Простая еда — кусок мяса и пресная лепешка — казалась настоящим пиром. Я ел, полностью поглощенный процессом восстановления сил.

Когда я поднял голову, толпа у очага расступилась, пропуская пожилую женщину. Ее лицо было покрыто густой сеткой морщин, а из-под темного покрывала выбивались седые пряди. Но ясные, темные глаза смотрели с таким умом и внутренней властью, что под этим взглядом любая ложь показалась бы жалкой. Ее движения были медленными, но прямыми, без тени дряхлости. Она подошла и остановилась перед Киран.

— Дитя гор, — произнесла она, и ее голос был сухим, как шелест песка. — Я уж думала, что никогда больше не увижу тебя на этой земле.

Киран медленно поднялась, и на ее лице впервые за все время отразилась искренняя, теплая улыбка.

— Шикра, — выдохнула она. — Твои глаза все так же видят то, что скрыто от других.

Женщина перевела свой пронзительный взгляд на меня. Я почувствовал себя голым под этим взглядом, словно она видела не только мое изможденное тело, но и все мои страхи, мою растерянность, мою чужеродность этому миру.

— А это, должно быть, тот, о ком шепчет ветер, — сказала она. — Я Шикра, шаманка племени Кса-Рок. Приветствую тебя в Аккрине, странник.

Я поспешно поднялся. Под ее взглядом все маски казались неуместными. На языке на мгновение застыло имя, которым меня называла мать — Рик. Имя мальчика, который умер в другом мире. Но привычка, ставшая второй натурой, взяла верх.

— Меня зовут Адриан, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Честь для меня познакомиться с вами.

Шикра коротко кивнула и села напротив нас.

— Двадцать с лишним лет, Киран. Целая жизнь, — сказала она, ее взгляд смягчился. — Многое изменилось.

— Я вижу, Аккрин стал больше, — заметила Киран. — Помнишь тот плоский камень у воды, с которого ты боялась прыгать? Теперь на его месте, кажется, стоит дом старейшины.

— Пески отступили. А мы — нет, — в голосе Шикры прозвучала гордость. — Пять лет назад нас едва не погубила великая засуха. Источник почти иссох. Но Мать-Скарабей не оставила нас. Она указала путь к новому колодцу. Мы копали месяц, теряя силы, но не веру. И вода вернулась.

Я слушал, и рассказ о борьбе за выживание этого племени вызывал у меня уважение.

— А что... другие племена? — осторожно спросила Киран.

— Мир между племенами истончается, — тяжело вздохнула Шикра. — Вождь Дрег-Уул, Харкон, с каждым годом становится дерзее. Его воины все чаще появляются на наших границах. Хрупкий мир держится на одном лишь слове старого вождя твоего племени, Раска.

Киран открыла рот, чтобы, видимо, перейти к цели нашего визита.

— Мы пришли, чтобы попросить твоего совета. Нам нужно получить...

— ... благословение духа-скарабея Кса-Рок, — закончила за нее Шикра, не моргнув. Тишина, повисшая между нами, стала почти осязаемой. — Не говори, дитя, — мягко произнесла она. — Дух, что живет в сердце этой земли, поведал мне о вашем приходе задолго до того, как мои глаза увидели вас. Он также поведал мне, что ты приведешь странника, чья душа несет на себе тень иного мира. И что я должна растолковать вам суть вашего первого испытания.

Слова Шикры повисли в тишине общего дома. Атмосфера мгновенно изменилась. Обыденный ужин превратился в нечто иное — в преддверие священного ритуала. Гомон стих, и даже дети, казалось, почувствовали важность момента, притихнув и глядя на нас широко раскрытыми глазами.

— Выслушайте же волю духа, — продолжила шаманка, и ее голос, казалось, стал глубже, обретя гулкое эхо. — Испытание духа-скарабея — это не проверка силы рук или скорости ног. Это испытание вашей выдержки и выносливости духа. Путь ваш лежит на юг, за дальнейшее поселение Шигаат. Там, в сердце соляной пустоши, бьет из-под земли источник с розовой водой.

Она сделала паузу, давая нам осознать сказанное.

— Воды его коварны. В их глубине обитают хранители — древние существа, похожие на раков из живого обсидиана. Они оберегают сердце источника — единственную жемчужину. Ваша задача — достать эту жемчужину. Но вы не сможете забрать ее силой. Хранители не отдадут ее тому, кто несет в себе злобу или страх. Вы должны убедить их отдать ее добровольно.

— Убедить? — не сдержался я. — Как можно убедить чудовищ, которые...

— Они не чудовища, — мягко, но твердо прервала меня Шикра. — Они — часть духа. Они чувствуют твою душу так же ясно, как ты чувствуешь тепло этого огня. Если хранители передадут вам жемчужину, вы должны отнести ее к алтарю, что стоит за Розовым источником. Это алтарь Кса-Рок. Возложите жемчужину на него, и тогда, если дух сочтет вас достойными, вы сможете говорить с самой Матерью-Скарабеем.

Закончив, она молча смотрела на нас. В наступившей тишине был слышен лишь треск поленьев в очаге.

— Убедить... — повторил я шепотом, когда Шикра замолчала. — Это звучит безумно.

— Безумно — пытаться решить все силой, — тихо ответила Киран, глядя в огонь. — Духи мудрее нас, Адриан. Они требуют не подчинения, а понимания.

Позже, когда ужин закончился, люди вышли к воде. У края оазиса поставили широкую глиняную чашу, и Шикра подняла ее обеими руками. Разговоры стихли. Даже дети перестали шептаться, наблюдая, как шаманка произносит короткое благословение и поворачивается к самым младшим.

Мое внимание было настолько приковано к происходящему, что я не сразу заметил, как рядом со мной остановилась молодая девушка. Та самая, что раньше принесла нам еду в общем доме. Она была примерно моего возраста, с густыми темными волосами, собранными в две тугие косы, куда были вплетены маленькие гладкие речные камни. Ее смуглое от солнца лицо с высокими скулами было серьезным, а в темных глазах читалось живое любопытство. На лбу белел тонкий знак, похожий на маленькую ветвистую трещину в сухой земле, а на шее, на простом кожаном шнурке, висел крошечный, искусно вырезанный из кости скарабей.

— Ты смотришь так, будто никогда не видел, как делят воду, странник, — тихо произнесла она. Голос ее был мелодичным, без тени враждебности.

Я слегка вздрогнул, оторвавшись от ритуала.

— Если честно, то нет, — признался я. — У нас... там, откуда я пришел, к воде так не относятся. Я Адриан.

Девушка на мгновение склонила голову в знак уважения.

— Меня зовут Лея. Добро пожаловать в Аккрин, Адриан. То, что ты видишь, — это Вечерняя Чаша. Мы благодарим духа за ее дар и делимся им, чтобы никто не был забыт.

Я наблюдал, как Шикра поднесла чашу самому маленькому ребенку, затем самому старому воину, затем матери, ждущей дитя.

— У этого есть какой-то порядок? — спросил я, повернувшись к Лее.

Она кивнула, и в ее глазах, отражавших звездное небо, промелькнула гордость.

— Всегда. Сначала пьют дети — наше будущее. Затем старики — наша мудрость. Затем те, кто носит в себе новую жизнь. После воины и охотники. Так мы чтим круг жизни. Вода — это жизнь, и мы делимся ею по справедливости. Каждый получает ровно столько, сколько нужно.

Я смотрел на это священнодействие, и меня пронзило острое чувство стыда.

— Поразительно, — пробормотал я. — У нас бы просто растолкали друг друга и выпили все, что захотят.

Лея посмотрела на меня с искренним, почти детским недоумением.

— Но зачем? Разве можно выпить больше, чем утолить жажду? Это все равно что пытаться вдохнуть больше воздуха, чем вмещают легкие. Это... бессмысленно. И неуважительно к дару.

Я открыл было рот, чтобы что-то ответить, но слова застряли в горле. Что я мог ей сказать? Вся грязь и сложность моего мира показались в этот момент уродливым извращением. Я лишь беспомощно развел руками и отвел взгляд, уставившись на темную воду оазиса.

В этот момент я увидел, как Киран и Шикра отошли в тень пальм. Я не пытался подслушать, но моя проклятая кровь уловила их чувства. Я закрыл глаза, сосредоточившись. Чужие эмоции нахлынули на меня образами.

От Киран исходил холод — старая, въевшаяся в душу тоска изгнанницы. А от Шикры — спокойное глубокое тепло, похожее на воду подземного источника. Я почувствовал, как это тепло касается боли Киран, и ее напряженные плечи на мгновение расслабились.

Они говорили недолго. Когда они вернулись к остальным, на лице Киран снова была привычная маска отстраненной ведьмы, но теперь я знал, что скрывается за ней. И я впервые за все это время почувствовал не только ответственность за навязанный мне долг, но и простое, человеческое желание помочь этой женщине. Вернуть ей не только имя, но и дом.

Глава 5

Силиан проснулся раньше всех. Серость Квандилма уже просачивалась в окно их дорожной комнаты. За окном было по-предрасветному тихо. Эта тишина давила. В лесу она была живой — дышала, шелестела, предупреждала. Здесь же была словно мертвой. Он чувствовал себя зверем, запертым в идеально выстроенной клетке.

Он не мог просто сидеть и ждать. Ожидание было для него пыткой. Ребекка могла часами выслеживать добычу, Конуэй — днями просиживать над картами. Их сила была в терпении. Его же сила была в действии. Беспольный, без дела, он чувствовал, как слабеет.

Не сказав ни слова спящим друзьям, он накинул свой дорожный плащ и вышел на улицу. Воздух был холодным и влажным. Следуя указателям, которые он запомнил вчера, Силиан направился в Ремесленный квартал. Здесь город был другим. Широкие ровные улицы сменились более узкими улочками, а в воздухе вместо сухой каменной пыли витал запах раскаленного металла, обработанного дерева и свежей краски. Ритмичный стук сотен молотков, доносившийся отовсюду, был для него музыкой — понятной, честной музыкой труда.

Он шел, пока не нашел то, что искал — большую кузницу, над дверью которой висела вывеска с изображением скрещенных молотов. Изнутри доносился оглушительный лязг и пахло горящим углем. Силиан вошел. В полумраке, освещенном лишь яростным светом горна, трудились несколько подмастерьев. На дальней стене висел темный щит, покрытый копотью так густо, что Силиан сперва принял его за старую крышку от котла.

У главной наковальни стоял мастер — кряжистый, седобородый мужчина с руками, похожими на корни старого дуба. Мастер окинул Силиана оценивающим взглядом, не прекращая работы.

— Чего тебе, парень? Если заказываешь, то жди. Если поглазеть пришел — убирайся.

Силиан не стал тратить время на вежливость.

— Мне нужна работа, — его голос прозвучал в грохоте кузницы неожиданно гулко. — Черной работы не боюсь. Скажете — сделаю.

Мастер нанес по раскаленному металлу еще один точный удар.

— Черной работы многие не боятся, — хмыкнул он. — Только одни дело делают, а другие под ногами путаются. Чем докажешь, что от тебя будет толк?

В углу двое подмастерьев возились с тяжелой железной осью, зажатой под накренившейся стойкой. Один тянул ее на себя, другой пытался поддеть ломом, но вся конструкция опасно скрипела, грозя обрушиться на пол ряд заготовок. Силиан молча подошел, отстранил подмастерьев, сначала уперся плечом в деревянную опору, потом перехватил ось ближе к середине и медленно вытащил ее, не задев ни одной заготовки. После этого выровнял стойку и отступил.

В кузнице на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением углей. Подмастерья переглянулись, не сразу понимая, что только что произошло. Мастер перестал бить молотом. Он долго смотрел на стойку, потом на ось у стены и только после этого — на руки Силиана.

— Ладно, — наконец проворчал он. — Сила есть. Голова, похоже, тоже не пустая. Мехи раздувать умеешь? И таскать уголь? Плата — медяк в час и миска похлебки в полдень. Идет?

— Идет, — кивнул Силиан.

Так начались его дни в Квандилме. Рано утром он уходил в кузницу, возвращаясь в таверну поздно вечером, уставший, пахнувший потом и металлом, но со звенящей в кармане мелочью. Эта простая, тяжелая работа была для него спасением. Она не давала времени на мысли. Здесь все было честно: вот металл, вот молот, вот огонь. Ты бьешь — и видишь результат. Не то что в разговорах, где каждое слово может иметь двойное дно, а каждое молчание — скрытый смысл.

Мастер-кузнец, которого звали Хенрик, оказался ворчливым, но справедливым. Он редко разговаривал, но иногда, во время короткого отдыха, делился своей нехитрой мудростью.

— Ты не местный, — как-то сказал он, глядя, как Силиан без усталости машет молотом. — В наших краях люди так не работают. Слишком много... ярости. Ты будто не металл куешь, а врага бьешь.

Силиан промолчал, лишь сильнее сжав рукоять молота. Он действительно бил врага. Он вспомнил смех Адриана у костра, когда тот пытался научить его вырезать из дерева смешную фигурку, и тут же нанес следующий, сокрушительный удар по раскаленной стали. Вот это — за Адриана. И это. И это.

— В столице, парень, надо быть хитрее, — продолжал Хенрик, вытирая пот со лба. — Здесь сила не в руках, а в языке. Умеешь красиво говорить — будешь есть с золота. А такие, как мы с тобой... мы просто куем это золото для них. Вот, на днях новый указ пришел от Казначая, этого Лорда Кроу. «Налог на дым». Слышал? Теперь мы платим за каждый час работы горна. Говорят, деньги пойдут на «укрепление гвардии». А я тебе скажу, куда они пойдут, — он понизил голос. — Они пойдут на новые гобелены для леди из Совета, что вечно с ним собачится. Мой племянник работает в Цитадели, говорит, они там готовы друг другу глотки перегрызть из-за бюджета. Так что держи ухо востро, парень.

Через несколько дней Силиан уже не был просто грубой силой, таскающей уголь. Хенрик, заметив в нем не только мощь, но и редкое для такой силы терпение, начал доверять ему более тонкую работу. В один из дней, когда Силиан пытался выковать простой гвоздь, вкладывая в каждый удар всю свою ярость, мастер остановил его.

— Стой, — проворчал он. — Ты его не куешь, а убиваешь. Смотри.

Он взял небольшой молоток и, вместо того чтобы ударить со всей силы, нанес несколько быстрых, почти невесомых, но точных ударов по шляпке. Металл послушно принял нужную форму.

— Дело не в силе удара, парень. А в том, куда ты бьешь. Почувствуй, куда металл хочет пойти, и просто помоги ему.

Силиан молча кивнул и взял молоток. Он попытался повторить. Сначала получалось неуклюже, но постепенно он начал чувствовать. Ритм. Температуру. Момент, когда сталь становится податливой. Это было похоже на рубку дерева, только гораздо тоньше. Впервые за долгое время его мысли были заняты не скорбью, а созиданием.

В один из вечеров, когда Силиан возвращался в таверну, он увидел ее. На углу улицы, ведущей к Цитадели, стояла Ребекка. Расслабленная поза была обманчива: цепкий и внимательный взгляд скользил по прохожим, отмечая детали, которые никто другой бы не заметил. Даже здесь, среди камня и толпы, она оставалась охотницей. Внутри у него неприятно екнуло. Он беспокоился. Пока он занимался честным, понятным трудом, его друзья все глубже погружались в грязный и опасный мир столичных интриг, в котором он ничего не понимал. Он видел, как поздно Конуэй возвращается из библиотеки, с горящими от усталости глазами, и как Ребекка становится все более молчаливой и напряженной. Они отдалялись, и он чувствовал себя оторванным от них, бесполезным в их новой войне. Он просто ковал сталь, потому что это было единственное, что он умел по-настоящему. И будет ковать, пока она снова не понадобится им всерьез.

Для Конуэя Великая Библиотека Квандилма была одновременно и раем, и личным адом. Огромное здание в Квартале Мудрецов было похоже на каменный улей. Воздух здесь был густым, пропитанным запахами старой бумаги, воска для печатей и сухого пергамента. Тишина здесь была иной: она складывалась из шелеста тысяч страниц, далекого скрипа книжной

тележки и редкого гулко кашля, эхом уходившего под сводчатые потолки. Первые дни он провел в общедоступных читальных залах, с жадностью поглощая все, что мог найти, но это были лишь крохи. Настоящие тайны, он был уверен, хранились внизу, в холодных, пахнущих плесенью хранилищах, куда требовалось разрешение.

На третий день он предпринял попытку. Подойдя к массивной решетке, преграждавшей путь, он обратился к суровому стражу с пустыми глазами.

— Я исследователь из Соултсбери. Мне необходим доступ к секции «Неизведанные территории».

Страж даже не повернул головы.

— Прощение на имя магистра Элиандра, — пробубнил он. — Срок рассмотрения — до шести месяцев.

Шесть месяцев. У них не было и семи дней. Конуэй понял, что официальный путь — это тупик. Он развернулся, чувствуя, как отчаяние уступает место холодному исследовательскому азарту. И тут его взгляд зацепился за небольшой пергамент, прибитый к доске объявлений.

«Требуется помощник старшему архивариусу отдела Редких Языков. Требования: усидчивость, каллиграфический почерк... Обращаться к магистру Ориасу...»

В голове Конуэя мгновенно созрел план. Он не мог проломить стену, но, возможно, смог бы найти лазейку.

Магистр Ориас оказался стариком, который, казалось, сам состоял из пергамента и пыли. Его глаза, увеличенные толстыми линзами, смотрели на Конуэя так пристально, словно пытались прочесть его мысли.

— Еще один? — проскрипел он. — Думаешь, работа архивариуса — это сидеть и читать интересные книжки? Это пыль, плесень и бесконечная, тупая работа. Предыдущий сбежал через три дня. Чем ты лучше?

Конуэй на мгновение промолчал, оценивая старика. Он заметил темное пятно от чернил на его манжете и стопку пергаментов с расплывшимися буквами. Это был его шанс.

— Ваши чернила, — спокойно сказал он. — Они слишком жидкие. Если добавить в них толченый обсидиан, они станут темнее, а линия — четче. А если ваши пергаменты перед использованием обработать пемзой, они будут меньше впитывать влагу и сохранятся на сотню лет дольше.

Старик замер. Он медленно опустил взгляд на свои пергаменты, затем снова на дварфа. В его глазах впервые мелькнул огонек осмысленного интереса.

— Ты откуда это знаешь?

— Мой народ работает с камнем и знает, как заставить его говорить, — уклончиво ответил Конуэй. — И как сохранить эти слова на века.

— Хм, — протянул магистр. — Приходи завтра. Посмотрим, чего стоят твои советы на деле.

Работа оказалась именно такой, как и описывал Ориас, и даже хуже. Часами Конуэй сидел в душной каморке, где пахло пылью и мышами. В каморке слышались только скрип его собственного пера и далекий, едва различимый шелест страниц из читального зала. Он переписывал инвентарные номера, и каждое название было для него пыткой. «Трактат о баллистике дварфийских осадных машин». Он сглотнул, заставив себя не тянуться к полке. «Разбор торговых путей через Красные перевалы. Секретное приложение для гильдии». Рука дрогнула, и он едва не поставил кляксу. Знания были вокруг, на расстоянии вытянутой руки, но он не имел права даже раскрыть нужные книги. И все же он терпел. И слушал.

Однажды вечером Ориас заглянул к нему в каморку и молча окинул взглядом стопку идеально переписанных карточек.

— Хм, — снова произнес он, что, видимо, было его высшей похвалой. Он поставил на стол кружку с травяным отваром. — Пей. А то превратишься в пыль раньше этих книг. И

держись подальше от людей магистра Элиандра. Они ищут не знания, а лишь ошибки в чужой работе.

Именно этот совет заставил Конуэя прислушаться внимательнее. На следующий день, относя переписанные каталоги, он заметил двух пожилых историков, которые яростно спорили шепотом у запертой двери в секцию «Запретных Хроник».

— ...и я тебе говорю, Элиандр снова отклонил мой запрос! — шипел один, нервно теребя бороду. — Якобы, «недостаточно оснований». Да он просто боится! Боится, что я найду в «Хрониках» то, что докажет, что его род выкупил свой титул, торгуя краденными артефактами!

— Тише ты, — отвечал второй, испуганно оглядываясь. — Все знают, что королевский архивист сидит на этих книгах, как дракон на золоте. Никого не пускает к самым древним текстам. Единственная, кто может его заставить, — Леди Рид из Тайной службы. У нее есть королевский указ, позволяющий входить в любой архив без отдельного разрешения.

Конуэй прошел мимо, не замедлив шага, но его сердце бешено колотилось. Наконец-то. Он нашел ключ.

Силиан ушел первым, его тяжелые шаги гулко отдавались в утренней тишине. Вскоре за ним последовал и Конуэй, уже на ходу мысленно погружаясь в свои карты и планы. Ребекка осталась в таверне одна. Она допила свой остывший чай, давая себе несколько минут, чтобы собраться с мыслями. Их пути на время разошлись, и каждый вел свою войну. Война Силиана была простой и яростной — против металла и собственного бессилия. Война Конуэя была тихой и академичной — битвой ума против бюрократии. Ее же миссия была самой опасной. В ее войне не было ни честного лязга стали, ни логики пергаментов. Лишь тени, полунамеки и смертельный риск в случае единственной ошибки. Права на промах у нее не было.

Она подошла к стойке, за которой хозяин таверны, угрюмый мужчина по имени Олаф, протирал оловянные кружки. Она дождалась, пока он останется один.

— Мне нужно найти одного человека, — тихо сказала она. — Его зовут... Кастор.

Олаф оторвался от своей работы и смерил ее взглядом, в котором ясно читалось: чужаков здесь не любят.

— Многие ищут многих в этом городе, — проворчал он. — Чем твой «Кастор» так важен?

Ребекка поняла, что простые слова здесь не помогут. Она медленно достала из-за пазухи свиток, который ей дала Лианна, и развернула его так, чтобы трактирщик увидел подпись внизу: изящные буквы, а рядом — маленький едва заметный знак, известный лишь в кругах Гильдии.

Выражение лица Олафа не изменилось, но его взгляд на мгновение потеплел. Он кивнул.

— Торговый квартал, — так же тихо сказал он. — Лавка «Золотая игла». Спросишь мастера Элрика. Скажешь, что ищешь редкий шелк из южных земель. Он поймет.

Ребекка молча кивнула в ответ и вышла на улицу.

Путь в Торговый квартал был неблизким. Она шла, погружаясь в шум столицы. Здесь, в отличие от строгого административного сектора, торговались, спорили, смеялись и бранились на каждом шагу. Воздух пах духами, специями, свежей выпечкой и новой кожей. Ребекка двигалась сквозь толпу, как охотница, но ее добычей были не следы, а обрывки разговоров, акценты торговцев, гортанная речь dwarфов-ювелиров, смех разодетых аристократок.

Лавка «Золотая игла» оказалась неприметным, но очень дорогим на вид заведением. Внутри пахло лавандой и дорогими тканями. За прилавком стоял худой, элегантно одетый мужчина с тонкими пальцами. Мастер Элрик.

— Я ищу редкий шелк из южных земель, — произнесла Ребекка условную фразу.

Элрик оторвал взгляд от куска парчи. Он посмотрел на нее, затем на ее простую, дорожную одежду. В его глазах не было удивления. Он просто кивнул в сторону неприметной двери за своей спиной.

— Ткань, которую вы ищете, — в той комнате. Проходите. Ваш... консультант скоро подойдет.

Ребекка вошла в маленькую комнату, заставленную рулонами ткани. Дверь за ней тихо закрылась. Она осталась одна. Воздух был неподвижен. Ожидание было нервным, похожим на натянутую тетиву. Она провела рукой по холодному шелку, чувствуя, как колотится сердце. Пальцы сами легли на рукоять кинжала, спрятанного под плащом.

Дверь открылась. Ребекка обернулась, готовая ко всему. И замерла. На мгновение у нее перехватило дыхание.

На пороге стоял Элиас. Тот самый жизнерадостный, болтливый торговец, с которым они провели две недели в дороге. Только теперь на его лице не было и тени простодушной улыбки. Его взгляд был острым и внимательным. Будто перед ней стоял незнакомец.

— Ребекка, — кивнул он. — Я рад, что ты нашла меня так быстро. И прости за этот маскарад. Торговля — отличное прикрытие.

Шок сменился вспышкой гнева.

— Элиас? Ты... Кастор? — только и смогла выговорить она, чувствуя, как все, чему она верила последние две недели, рушится разом. — Две недели... Вся эта болтовня у костра... это все было ложью?

— Не ложью, а легендой, — спокойно поправил он, проходя в комнату и прикрывая дверь. Его спокойствие раздражало.

— Называй как хочешь. Я называю это враньем.

— Прости. Это была необходимая предосторожность. Я должен был убедиться, что вам можно доверять. Я очень многим обязан Лианне. Она однажды спасла мне жизнь. Я уже знаю, что ваше прошение застряло в канцелярии. Это работа Лорда Кроу. Он не допустит вас до короля.

— Но почему? Что ему от нас нужно?

— Ему нужен провал вашей миссии, — отрезал Элиас. — Он хочет доказать королю, что всю власть нужно сосредоточить в столице. А точнее в его руках. Наш единственный шанс — обойти его. Выйти напрямую на его главную противницу в Совете — Леди Эвелин Рид.

— Главу Тайной Службы? — Ребекка слышала это имя. О ней ходили всякие истории, одна страшнее другой.

— Именно. Но Леди Рид не станет встречаться с кем попало, основываясь на одном лишь письме, даже от Лианны. Ей нужны доказательства. Доказательства того, что тебе можно доверять не только словом, но и делом.

Элиас подошел ближе, его голос понизился до шепота, и Ребекка почувствовала, как внутри неприятно похолодело: она только теперь поняла, во что ввязывается.

— В Жилом квартале, недалеко отсюда, есть лавка пряностей. Ей владеет некий Матиас. Мы считаем, что он — один из информаторов Кроу. Раз в три дня он получает зашифрованные донесения от своих людей и передает их дальше. Нам нужно знать, как он их передает, кому и, если повезет, что в них говорится. Никакого насилия. Никаких следов. Просто информация. Справишься — я организую тебе встречу с человеком Леди Рид. Провалишься — мы больше никогда не увидимся, и тебе лучше будет покинуть этот город немедленно.

Ребекка стиснула зубы и молча кивнула.

— Хорошо. Я сделаю это.

Возвращаясь в таверну сквозь шумные улицы, она чувствовала себя чужой. Город шумел вокруг, но будто проходил мимо нее. Решение далось Ребекке тяжелее, чем она хотела признать. Она ничего не скажет Коную и Силиану. Не потому, что не доверяла им. А потому, что

эта миссия требовала того, кем они не были. Силиан решал проблемы ударом молота. Конуэй — силой ума. Эта же работа требовала стать тенью, слиться с грязью и камнем города. Стать никем. Она не могла попросить их об этом. Этот путь она должна была пройти одна.

Следующий день начался для нее задолго до рассвета. Когда Квандилм еще спал в серой дымке, Ребекка уже была на месте. Она нашла заброшенный дверной проем напротив лавки пряностей Матиаса — идеальное место, погруженное в густую тень. Свернувшись калачиком под рваным, пахнущим сыростью одеялом, она превратилась в часть городского пейзажа — еще одну бездомную попрошайку, каких в столице были сотни. Отсюда, из тени, она могла наблюдать.

День тянулся мучительно долго. Утренний холод пробирал до костей, заставляя мышцы сводиться от судорог. Город просыпался: сначала прогрохотала телега мусорщика, затем из соседней пекарни донесся сводящий с ума запах свежего хлеба, от которого в пустом желудке заурчало. Она игнорировала голод, боль в затекшей спине, унижительные взгляды прохожих.

Лавка Матиаса была оживленным местом. Он продавал корицу богатым дамам, спорил с поставщиками из-за цены на имбирь, ругался на уличных мальчишек. Он был безупречен. Слишком безупречен. Он не делал лишних движений, не проявлял нервозности.

«Слишком просто», — думала Ребекка. — «Ни одного нервного жеста. Ни одного бегающего взгляда. Либо он невиновен, либо он — гений».

К полудню, когда солнце немного согрело камни, она услышала то, чего боялась — тяжелый, размеренный шаг патруля городской стражи. Двое гвардейцев шли по ее стороне улицы, лениво заглядывая в каждый темный угол. Бежать было некуда. Она глубже зарылась в свое одеяло, превращаясь в грязный комок тряпья.

— А ну, шевелись, отродье, — раздался грубый голос прямо над ее головой. — Проваливай отсюда, портишь вид господам.

Ребекка не шелохнулась, лишь сжалась еще сильнее, изображая глубокий сон. Она почувствовала, как в бок ей ткнулся носок тяжелого сапога. Несильно, но унижительно.

— Глухая, что ли? — проворчал второй стражник. — Да брось ты ее. Сдохнет от холода ночью, одной проблемой меньше.

Шаги удалились. Ребекка медленно выдохнула, чувствуя, как по лицу катится холодный пот. Она заставила себя не двигаться еще несколько минут, пока адреналин не отступил. Этот город был враждебен к слабым. И чтобы выжить, нужно было быть сильнее и хитрее всех.

К вечеру, когда она уже готова была признать поражение, она заметила странность. Что-то, что нарушало идеальную картину обыденности, которую не заметил бы никто, кроме нее. За весь день у Матиаса было три необычных покупателя. Первым был хромой старик, вторым — молодая женщина с ребенком, третьим — подмастерье из соседней пекарни. Все они, помимо обычных специй, покупали одну и ту же вещь — дешевую деревянную солонку. И каждый из них жаловался на одну и ту же, едва заметную трещину у основания. Матиас сокрушенно вздыхал и говорил одно и то же: «Простите за брак. Отнесите ее к старому Йонасу, бондарю, за углом. Он починит бесплатно, я ему заплачу».

Это было странно. Никто в здравом уме не станет чинить дешевую солонку. После столкновения со стражей она замечала каждую мелочь. Она поняла. Это был театр. И она только что разгадала его первый акт.

Холодное торжество на мгновение отогнало усталость. Она сделала это. Она нашла нить. Вот только поделиться этой маленькой победой было не с кем. Раньше рядом был бы Рик, он бы оценил изящество схемы, усмехнулся и тут же начал бы планировать следующий шаг. Воспоминание о нем ударило с неожиданной силой, и краткий триумф сменился знакомой, тупой болью одиночества. С этой болью она и легла спать.

Ночь принесла не отдых, а тревожные, рваные сны, от которых она проснулась задолго до рассвета с мокрыми от слез щеками и ноющей болью в груди. Она не помнила, что ей снилось

— лишь смутное, но пронзительное ощущение утраты, будто она только что держала в руках что-то бесконечно дорогое и оно рассыпалось в прах. Ребекка списала это на общую усталость и скорбь по Рику, которая в этом чужом городе ощущалась особенно остро. Она сердито вытерла слезы. У нее не было времени на слабость. Этот необъяснимый всплеск отчаяния лишь укрепил ее в мысли, что простое наблюдение — это путь в никуда. Нужно было действовать.

На следующее утро она сменила тактику. Нужно было проверить эту цепочку. Переодевшись в грубую, но чистую одежду служанки из богатого дома, она решительно вошла в лавку. Запах аниса и кардамона ударил в нос.

— Мне нужен анис для моей госпожи, — сказала она, внимательно изучая лицо Матиаса, ища малейший признак лжи.

— Конечно, — ответил он все с той же безмятежной улыбкой. — Лучший анис в столице. Пока он взвешивал товар, она как бы невзначай добавила:

— И еще вот эту солонку.

Она взяла с прилавка точно такую же, как покупали вчера. Матиас на мгновение замер. Его улыбка не дрогнула, но взгляд на долю секунды стал чужим и расчетливым. Он длился лишь мгновение, но Ребекке этого было достаточно.

— Хороший выбор, — сказал он, возвращая себе добродушный вид. — Очень прочное дерево.

«Он не предложил мне отнести ее к бондарю, — поняла Ребекка. — Значит, жалоба на трещину — это и есть пароль».

Она заплатила и вышла. Теперь она знала, как работает система. Осталось понять, как передаются разные сообщения. Она не пошла в таверну. Вместо этого она заняла новую позицию, с которой был виден и выход из лавки Матиаса, и мастерская старого Йонаса за углом. Она ждала. Через час из лавки вышел еще один «странный» покупатель — грузчик, который тоже купил солонку и пожаловался на трещину. Матиас отправил его к Йонасу. Ребекка проследила за ним. Грузчик вошел в мастерскую, отдал солонку и тут же вышел с пустыми руками. Он не ждал починки.

«Это тайник. Солонки служат для передачи записок», — догадалась она. Но этого было мало. Элиасу нужны были доказательства.

Этой же ночью она вернулась. Переулок за лавкой был узким и грязным, он пах отбросами и отчаянием. Ребекка скрылась в самой густой тени, став ее частью. Она ждала, пока в окнах над лавкой не погас последний огонек свечи и город не погрузился в тревожный сон.

Она не стала взламывать замок, ведь это оставило бы следы. В стене под самой крышей обнаружилось маленькое слуховое окно, забитое грязной тряпкой. Работа была рискованной. Холодный камень обжигал пальцы. Цепляясь за выступы в кладке, она медленно полезла наверх. Мышцы на плечах горели от напряжения. Под ногой раскрошился кусок старого раствора, и мелкие камни с тихим шорохом посыпались вниз. Ребекка замерла, прижавшись к стене. Сердце билось так громко, что ей казалось, его услышат внизу. Она вслушивалась, ожидая крика или света в окне. Но ничего не произошло. Осторожно, сантиметр за сантиметром, она продолжила подъем.

Окно поддавалось легко. Она бесшумно соскользнула внутрь. Воздух в лавке был пропитан ароматом мускатного ореха. Лунный свет, пробиваясь сквозь грязное стекло витрины, рисовал на полу искаженные тени от мешков и бочек. Каждый скрип половицы под ее ногой казался оглушительным.

При свете луны она нашла то, что искала — небольшой ящик под прилавком. В нем лежали еще не проданные солонки. Она взяла одну. Дно у нее было чуть толще, чем нужно. Поддев его ногтем, она обнаружила крошечную полость. А внутри — туго свернутый клочок пергамента.

Она быстро пробежала глазами по строкам. Текст был похож на торговую ведомость, но слишком уж странную: повторяющиеся числа, инициалы, даты и короткие пометки на полях. Это было донесение. Возможно, приказ. Расшифровать его на месте она не могла, но Элиасу этого хватит. Ребекка уже собиралась переписать все это, когда заметила последнюю деталь. На каждой солонке снизу была крошечная пометка, почти невидимая царапина: на одной — круг, на другой — квадрат, на третьей — звезда.

«Так вот в чем дело! — ее осенило. — Пароль — это жалоба на трещину. Но как агент узнает, какое именно сообщение нужно забрать?»

Ответ пришел на следующее утро. Ребекка снова была у лавки, на этот раз изображая служанку, ждущую свою госпожу. В витрине, среди мешочков с перцем и банок с гвоздикой, появился новый предмет, которого вчера не было — маленькая связка сушеного аниса в форме звезды.

«Гениально, — с холодным восхищением подумала она. — Пароль один. А нужная солонка определяется по предмету в витрине. Просто, надежно — и почти невозможно доказать».

Она переписала строки донесения и все символы, которые нашла, на свой клочок пергамента. Теперь у нее было все, что нужно.

На следующий день она передала свою копию и подробное описание схемы через мастера Элрика. Он принял сверток с тем же бесстрастным лицом, с каким продавал шелк, и лишь коротко кивнул. И все. Связь оборвалась. Ребекка снова осталась одна со своим знанием, в полной неизвестности.

Этот день и вечер тянулись бесконечно. Она вернулась в таверну, пытаясь вести себя как обычно. Она заставила себя съесть ужин, кивала на ворчание Силиана о качестве столичного железа и слушала рассуждения Конуэя о системе каталогизации в Великой Библиотеке. Но она не была с ними. Каждую секунду она ждала. Ждала стука в дверь. Ждала криков стражи на улице. Ждала чего угодно. Каждый раз, когда по коридору таверны раздавались шаги, ее тело напрягалось, как пружина. Она несколько раз ловила на себе обеспокоенный взгляд Конуэя и понимала, что ее нервозность становится заметной.

Ночь она почти не спала, сидя у окна и вглядываясь в темные очертания крыш. А что, если ее обманули? Что, если Элрик — двойной агент? Что, если Элиас просто проверял ее, а теперь ее имя уже в списке предателей у Лорда Кроу? Сомнения цеплялись одно за другое, и к утру она уже не могла отделить страх от усталости.

Записка пришла, когда она уже почти перестала ждать. Вечером следующего дня, когда она сидела в комнате и по привычке водила точильным камнем по лезвию кинжала, под дверь бесшумно скользнул сложенный листок бумаги. Она замерла, а потом бросилась к нему.

В записке, написанной каллиграфическим почерком, не было ни приветствий, ни подписей. Лишь несколько коротких, четких слов:

«Завтра. Час после третьего колокола. Акведук в Тихом Саду, за Великой Библиотекой».

Тайная встреча с человеком Леди Рид была назначена.

Глава 6

На следующий день, за час до назначенного срока, Ребекка уже была на месте. Тихий Сад, приютившийся за массивным зданием Великой Библиотеки, был одним из немногих мест в Квандилме, где камень уступал природе. Но даже природа здесь была подчинена строгому порядку: ровно подстриженные кусты, посыпанные белым гравием дорожки, деревья, чьи кроны были аккуратно сформированы в виде необычных фигур.

Войдя в сад, Ребекка, казалось, решила нарушить его безупречную геометрию. Вместо того чтобы идти по прямой к видневшемуся вдаль акведуку, она двинулась по запутанной, нелогичной траектории, изображая любопытную провинциалку. Она меняла темп ходьбы, внезапно останавливалась, чтобы рассмотреть цветок, но на самом деле изучала отражения в темной воде декоративных прудов. Дважды ей показалось, что один и тот же человек в сером плаще появляется в поле ее зрения слишком часто. Тогда она нырнула в лабиринт из живой изгороди — настоящий капкан для преследователя. Пройдя по нескольким запутанным коридорам, она резко шагнула в боковой проход и замерла, прижавшись к пахнущей листве. Через несколько секунд мимо прошел человек в сером плаще — он ожидал увидеть ее впереди. Когда она наконец убедилась, что одна, страх смешался с азартом.

Акведук был древним, поросшим мхом сооружением, перекинутым через небольшой ручей. Под его каменными сводами было темно и сыро. Она вошла в тень, ее рука легла на рукоять кинжала. Она ждала.

Он появился бесшумно, будто вырос из тени самого акведука. Это был немолодой мужчина в простой, испачканной землей одежде. Он держал в руках небольшие садовые ножницы и, казалось, был полностью поглощен обрезкой дикой розы, вцепившейся в камень.

— Опаздываешь, — сказал он, не поворачивая головы. Щелкнули ножницы, и увядший цветок упал на землю.

— Я пришла заранее, — возразила Ребекка, не расслабляясь ни на миг. — Чтобы убедиться, что пришла одна.

Он медленно повернулся. Его лицо было абсолютно незапоминающимся.

— Лианна всегда была сентиментальна, — сказал он, оглядывая ее с ног до головы. Его взгляд был тяжелым, оценивающим. — Она посылает мне людей, веря в их лучшие качества. Я же привык видеть худшие. Так что давай начистоту, Ребекка из Соултсбери: ты справилась, потому что умна, или потому что тебе просто повезло не попасться?

Холодная ярость придала Ребекке сил. Она встретила его взгляд.

— Мне повезло, потому что я смотрела по сторонам. А теперь, когда ты проверил, дура я или нет, перейдем к делу?

Впервые в его глазах что-то промелькнуло — то ли удивление, то ли уважение. Он хмыкнул.

— Хорошо. К делу. Информация — это товар. А я должен быть уверен в его качестве. Какого цвета были глаза у стражника, который вчера пнул тебя у лавки пряностей?

Ребекка замерла. Вопрос выбил из нее воздух. Он не просто знал. Он наблюдал за ней все это время. Она лихорадочно прокручивала в голове события того унижительного момента. Страх, адреналин, боль... но она заставила себя смотреть. Заставила себя запоминать.

— Голубые, — наконец сказала она ровным, почти безжизненным голосом. — Светлоголубые, выцветшие, как старая тряпка. И у него был свежий шрам на левой скуле, которого он касался каждый раз, когда злился.

Садовник долго молчал, рассматривая лезвия своих ножниц. Затем он снова щелкнул ими, срезая еще одну ветку.

— Неплохо, — произнес он. — Для начала неплохо. Рассказывай.

Ребекка рассказала все. Она говорила четко, по делу, излагая только факты. Садовник слушал молча, не перебивая, лишь изредка срезая сухие листья с розы. Когда она закончила, он несколько секунд смотрел на воду, текущую под акведуком.

— Ты хорошо поработала, — наконец сказал он. — Твоя информация подтверждает наши худшие опасения. Леди Рид будет... удовлетворена.

— И что теперь? Она поможет нам?

— Поможет, — ответил Садовник. — Но не так, как ты думаешь. Никаких приглашений. Мы сделаем иначе.

Он вдруг перестал быть похожим на простого садовника. Теперь говорил человек, привыкший отдавать приказы.

— Послезавтра — день Королевской Охоты. Древняя традиция. Единственный день в месяце, когда король Терон позволяет себе быть не только монархом, но и просто охотником. Лорд Кроу не сможет отменить эту традицию. И этим мы воспользуемся.

— Вы должны быть у Западных ворот за час до рассвета. Там будет стоять фургон с провизией для королевской кухни. Скажете вознице пароль: «Соль для королевского сокола». Он пропустит вас внутрь. Фургон проедет через все кордоны без досмотра и доставит вас прямо в охотничий домик. А там... там у вас будет несколько минут, чтобы предстать перед королем до того, как прибудет его свита.

— У вас будет один шанс. Один. Провалитесь — и о вас просто забудут. Никто не будет искать ваши тела. Поняла?

— Поняла, — кивнула Ребекка.

— А теперь уходи. И не оглядывайся.

Он повернулся к своей розе, и Ребекка поняла, что для него разговор окончен. Она медленно вышла из-под акведука на свет. В ее руках был ключ, но она чувствовала, что этот ключ может с такой же легкостью и запореть их в темнице на всю оставшуюся жизнь.

Возвращение в таверну было для Ребекки пыткой. Она заставила себя улыбнуться друзьям, рассказала выдуманную историю о том, как долго искала нужную лавку и как ей в итоге просто велели ждать. Она видела, как Конуэй хмурится, пытаясь найти логику в ее сбивчивом рассказе, видела беспокойство в глазах Силиана, но держалась. Ночь она почти не спала, прокручивая в голове дерзкий план Садовника. Риск был огромен. Один неверный шаг — и они окажутся не перед королем, а в подземельях Цитадели.

На следующий день Ребекка собрала друзей в комнате.

— Я знаю, как нам попасть к королю, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно.

Конуэй оторвался от своих карт.

— Ты нашла способ? Как?

— У меня... появился контакт, — уклончиво ответила Ребекка. — Человек, который знает дворцовые порядки. Он говорит, что официальным путем мы будем ждать месяцами. Но есть один шанс. Завтра — день Королевской Охоты.

Она изложила им план: фургон, пароль, охотничий домик. Чем больше она говорила, тем мрачнее становились лица ее друзей.

— Это безумие, — первым произнес Конуэй, его голос был холодным и аналитическим. — Неизвестный контакт. Тайное проникновение в королевский кортеж. Это не план, Ребекка, это прямой путь на плаху. Откуда этот человек? Кто он? Почему мы должны ему доверять?

— Я... я ему доверяю, — твердо сказала она. — Я не могу сказать больше. Но я уверена, что это наш единственный шанс.

— Слишком опасно, — глухо вмешался Силиан. — Если нас поймут...

— А если мы будем сидеть здесь, пока у нас не кончатся деньги, а Лорд Кроу не найдет способ избавиться от нас тихо и незаметно? — вспыхнула Ребекка. — Это лучше? Я знаю, это

риск. Огромный риск. Но я прошу вас поверить мне. Не ему. Мне. Я бы не стала втягивать вас в это, если бы не была уверена.

Она смотрела на них и видела их сомнения.

— Пожалуйста, — тихо добавила она.

Конуэй долго смотрел на нее, затем перевел взгляд на Силиана. В глазах дварфа все еще была тревога, но он медленно кивнул.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Мы с тобой.

Следующим утром, за час до рассвета, Квандилм был погружен в холодную, предрасветную тишину. Они втроем, закутанные в темные плащи, стояли в условленном переулке у Западных ворот. Вскоре из темноты вынырнул большой, крытый фургон, запряженный парой дюжих лошадей. Возница, скрывавший лицо под капюшоном, остановился рядом с ними.

— Соль для королевского сокола, — тихо, но отчетливо произнесла Ребекка.

Возница молча кивнул и откинул полог в задней части фургона. Внутри было темно и пахло капустой и сырым мясом. Не говоря ни слова, они забрались внутрь, и полог захлопнулся, погрузив их в полную темноту.

Поездка была адом. Их трясло на каждой выбоине, а смрад от провизии забивал дыхание. Они сидели в тесноте, прижавшись друг к другу, слыша лишь скрип колес и приглушенные крики стражи на кордонах. Спустя, как им показалось, вечность, фургон наконец остановился. Полог откинулся, и яркий утренний свет ударил по глазам.

— Выходите. Быстро, — раздался знакомый голос.

Напротив них стоял Садовник. Он был одет так же, как и при их встрече, и в руках у него были садовые ножницы. Они находились на заднем дворе большого, но скромного на вид деревянного дома — охотничьего домика короля.

— За мной, — бросил он. — И ни слова.

Он провел их через кухню, где повара уже всюю готовили завтрак, и вывел на небольшую поляну перед домом. У костра, разведенного прямо на траве, стояла небольшая группа людей. В центре — высокий, седовласый мужчина в простом, но добротном охотничьем костюме. Терон Валериус. Справа от него, скрестив руки на груди, стоял мужчина в алом камзоле с напряженным лицом. А слева, чуть в стороне, со спокойным видом стояла женщина средних лет в дорожном плаще, тканой блузе и простых бежевых штанах.

— Ситуация изменилась, — прошептал Садовник, останавливая их в тени деревьев. Он указал на мужчину и женщину подле короля.

— Кроу почувал неладное и напросился на охоту. Леди Рид пришлось последовать за ним, чтобы уравновесить силы. Ваш выход будет... громче, чем планировалось. Идемте.

У Ребекки сжало живот. Она бросила взгляд на друзей. По их лицам она поняла: они тоже испугались, но отступать уже было поздно. Они сделали глубокий вдох и втроем вышли из тени на поляну.

В тот же миг четверо гвардейцев, стоявших за спиной короля, как один, обнажили мечи, выставляя их вперед и заслоняя собой монарха. Лорд Кроу не сдвинулся с места, но на его губах появилась торжествующая улыбка.

— Ваше Величество, эти люди со мной, — раздался спокойный, уверенный голос Леди Эвелин Рид. Она сделала шаг вперед, вставая между ними и стражей. — Они не представляют угрозы.

— Леди Рид, при всем уважении, — вкрадчиво начал Кроу, — процедура есть процедура. Эти... люди проникли в королевский периметр без разрешения. Они должны быть немедленно арестованы и допрошены.

— Они здесь по моему приглашению, чтобы доставить срочное донесение Его Величеству, — парировала Леди Рид. Она медленно достала из-за пазухи свиток, скрепленный тяже-

лой печатью. — Донесение, которое, по странному стечению обстоятельств, уже неделю лежит в канцелярии, которой вы, Лорд Кроу, так эффективно управляете.

Ребекка увидела, как глаза Кроу на долю секунды расширились, когда он узнал печать Вестхолма. На миг он утратил обычную невозмутимость.

— Это возмутительно! — отчеканил он. — Вы подвергаете короля опасности, приводя сюда неизвестных бродяг! Просители должны обращаться в установленном порядке!

— Просители, чьи прошения вы намеренно игнорируете, Лорд Казначей? — холодно ответила Леди Рид. — Или вы считаете, что герои, спасшие целый город, должны ждать полгода, чтобы доложить короне о новой угрозе?

— Довольно! — раздался властный, уставший голос Короля Терона. Он шагнул вперед, и стража неохотно опустила мечи. Его усталый внимательный взгляд остановился на троице. — Я устал от ваших придворных игр. Вы, — он указал на Конуэя, — говорите. Зачем вы здесь? И пусть это будет правда.

Конуэй шагнул вперед. Он говорил коротко, четко, как в отчете.

— Ваше Величество, месяц назад мы столкнулись в Соултсберийском Лесу с угрозой, природа которой нам до сих пор не ясна. Это были существа из тьмы. Наш друг, Адриан Вейл, пожертвовал собой, чтобы их остановить. Мы не знаем, откуда они пришли и вернутся ли снова. Лорд-мэр Вестхолм, — он кивнул на письмо в руках Леди Рид, — считает, как и мы, что Телмар более не может позволить себе оставаться в неведении о том, что происходит за пределами наших границ. Он просит вашего разрешения на организацию тайной дипломатической миссии в Дикие Земли. Нет, не для торговли. Мы будем искать союзников. И знания.

Конуэй замолчал. В наступившей тишине раздался низкий, негромкий голос Силиана. Он сделал полшага вперед, глядя прямо на короля, и в его глазах не было ни страха, ни подобострастия.

— Мы видели то, чего не должен видеть никто, Ваше Величество, — сказал он. — И мы не можем просто вернуться домой и ждать, пока эта тень снова упадет на наши земли. Это наш долг. Перед теми, кто погиб, и перед теми, кто еще жив.

Король слушал, не перебивая, его взгляд переместился с дварфа на Силиана и задержался на нем на мгновение дольше.

Затем он взял у Леди Рид письмо и быстро пробежал глазами по строкам.

— Лорд Кроу прав в одном, — наконец сказал он, сворачивая пергамент. — Это рискованно. Но он неправ в другом. Риск от бездействия — куда выше.

Он посмотрел на Казначея.

— Эта экспедиция оправдана. Но она должна быть абсолютно тайной. Я не хочу, чтобы ни в Волентаре, ни тем более в Караз-Дорне узнали о наших намерениях. Вы отправитесь не из нашего порта. Ваш путь лежит на запад, через Пустошь. Доберетесь до Волентары, и уже оттуда наймете корабль. Так никто не свяжет эту миссию с короной Телмара.

— Ваше Величество, это безрассудство! — вмешался Кроу. — Отправлять их без охраны, без официального статуса...

— Лорд Кроу, — резко прервал его король, и в его голосе прозвучала сталь. — Я принял решение. Или вы хотите его оспорить?

Кроу побледнел и молча склонил голову.

Король снова повернулся к троице.

— Вам будут выделены средства из моей личной казны. На дорогу до Волентары и на наем корабля. Не более. Вы не должны привлекать к себе внимания. Вы — не королевские посланники. Вы — просто трое путешественников. И запомните, — его взгляд стал жестким. — Если вас поймут, если ваша миссия провалится и вызовет политический скандал, я буду первым, кто отречется от вас. Я никогда вас не видел, и это письмо — подделка. Вы меня поняли?

— Поняли, Ваше Величество, — твердо ответила Ребекка за всех.
— Тогда идите. И да поможет вам бог. Его помощь вам понадобится.

Следующие два дня в Квандилме прошли в лихорадочной, но тихой подготовке. Они получили из личной казны короля увесистый кошель с золотом — сумму, от которой у Ребекки перехватило дыхание. Но эта тяжесть в руках не радовала, а лишь подчеркивала вес их миссии и ту смертельную опасность, что ждала впереди. Их лошади, отдохнувшие и сытые в столичной конюшне, были готовы к долгой дороге.

В последний день перед отбытием Сириан отправился в кузницу, чтобы попрощаться. Хенрик, как всегда, был поглощен работой, и грохот в помещении стоял такой, что приходилось кричать.

— Уходишь, парень? — прорычал тот, не отрываясь от наковальни. — Я так и думал. Не похож ты на того, кто будет всю жизнь гвозди ковать.

— Мне нужно идти, — просто ответил Сириан. — Спасибо за работу. И за науку.

Хенрик отложил молот и, вытерев руки грязной тряпкой, подошел к дальнему углу кузницы. Он снял со стены щит из темного, матового металла.

— Держи. Тебе он нужнее будет.

Сириан взял щит, ощутив его невероятную легкость и прочность.

— Мастер, я не могу это принять, — покачал он головой. — Это слишком ценный дар. Я его не заслужил.

— Заслужил, не заслужил... это я решаю, — проворчал Хенрик, глядя куда-то в сторону. — Я старик. Мне этот щит уже ни к чему, а ты идешь туда, где без хорошей защиты — верная смерть. Негоже мастеру отпускать толкового парня на бой с плохим железом. Это портит репутацию всему нашему ремеслу. Понял?

— Что это? — с благоговением спросил он.

— Дварфийская сталь, — проворчал Хенрик. — Сплав с метеоритным железом. Нашел кусок такого железа в старой шахте еще мальчишкой. Хранил для особого случая. Думал, выкую себе надгробие. Щит легкий, но по нему хоть кувалдой бей — только руку отобьешь.

Сириан кивнул, и в этом кивке было больше благодарности, чем он мог бы выразить словами.

— А теперь давай сюда свой топор, — скомандовал Хенрик. — Нечего воину ходить с топором дровосека.

Следующие несколько часов они работали вместе, превращая его старый топор в боевое оружие.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно кивнул Хенрик. — А теперь убирайся. И постарайся не сдохнуть.

Конуэй же провел свой последний день в Великой Библиотеке. Он прощался с магистром Ориасом.

— Значит, все-таки уходишь, — проскрипел старик. — Жаль. Из тебя вышел бы неплохой архивариус.

— Мой путь лежит дальше, магистр, — с уважением ответил Конуэй. — Но прежде чем я покину Квандилм, моя научная любознательность не дает мне покоя. В наших разговорах вы не раз упоминали Дикие Земли как абсолютное «белое пятно» на карте. Мне было бы крайне интересно взглянуть, насколько оно «белое» на самом деле. Просто из академического интереса.

Ориас посмотрел на него поверх очков, и в его глазах блеснул огонек.

— Академический интерес, говоришь? Хм. Редкое качество в наши дни. Большинству подавай золото да власть... Что ж, это похвально.

Он покопался в ящике своего стола и извлек оттуда туго свернутый свиток пергамента.

— Держи. Это копия единственной карты, что у нас есть. Неполная, конечно. Нанесено лишь побережье да пара поселений, о которых болтали торговцы. Что там в глубине — не знает никто. Но для академического интереса сойдет.

— Спасибо, магистр. Это бесценный дар.

— Пустяки, — отмахнулся старик. — Просто... будь осторожен. В книгах все просто и логично. А в реальном мире камни падают на голову без всякой причины.

Ребекка ждала своих друзей в «Рассвете». Она сидела за столиком у окна, когда дверь таверны открылась, и на пороге появился Элиас. Он с той же жизнерадостной улыбкой оглядел зал, «случайно» заметил ее и направился к ее столу.

— Ребекка! Какая встреча! — пробасил он, плюхаясь на стул напротив. — А я уж думал, вас давно приняли в королевские покои. Все еще ждете?

— Ждали, — ровно ответила она, играя свою роль и делая ударение на прошедшем времени. — Но, кажется, безрезультатно. Мы подумываем уехать из столицы. Здесь нам ловить нечего.

— Уехать? — Элиас изобразил удивление, но в его глазах блеснул огонек. — Какое совпадение! А куда, если не секрет?

— На Запад. Думаем добраться до Волентары, может, там найдем работу, — пожалала плечами Ребекка.

— В Волентару?! — воскликнул он так громко, что несколько посетителей обернулись. — Судьба! А через Пустошь идти одному — верная смерть. А вы — ребята крепкие. Как насчет того, чтобы пойти вместе? Я дорогу знаю, где вода, где безопасный ночлег. А вы — моя охрана!

В этот момент в таверну вошли Силиан и Конуэй. Увидев Ребекку в компании Элиаса, они удивленно замерли.

— Элиас? Какими судьбами? — спросил Конуэй, его взгляд был полон подозрения.

— О, а вот и остальные! — обрадовался торговец. — Да вот, предлагаю вашей подруге выгодное дельце. Проводником хочу к вам наняться до самой Волентары!

Друзья переглянулись.

— Как удачно, что вы направляетесь именно туда, куда и мы, — не удержался от саркастического замечания Конуэй.

— Судьба, молодой дварф, судьба! — ничуть не смутившись, рассмеялся Элиас.

Несмотря на подозрения Конуэя, легенда была безупречной, и они «согласились».

Раннее утро окутало Квандилм холодным, влажным туманом, который цеплялся за белые стены и глушил все звуки. Ребекка, Силиан и Конуэй стояли у ворот столицы рядом с Элиасом и его телегой. Они выходили через те же ворота, в которые вошли всего несколько дней назад, но теперь все ощущалось иначе. Тогда они смотрели на дорогу, ведущую в город, с надеждой и тревогой. Теперь, как показалось Ребекке, они смотрели на ту же дорогу, ведущую обратно, с тяжелым грузом полученных знаний и новой, еще более опасной миссией.

Она посмотрела на своих друзей. На Силиана, чья фигура казалась еще более могучей с новым, темным щитом за спиной. На Конуэя, который молча поправлял свиток с картой, выглядывавший из-за пазухи. Они изменились. И она изменилась.

— Слушайте внимательно, — сказал Элиас. — По этому тракту, как вы уже знаете, мы будем идти на запад пять дней. На пятый день мы доберемся до развилки. Там торговая дорога повернет на юг, к Стонхейму. Мы за караванами не пойдем. Сойдем с тракта и продолжим путь строго на запад, по старой тропе. Она и выведет нас в Пустошь. И запомните, — его голос стал тише и тверже, — как только мы сойдем с тракта, назад дороги не будет.

Он обменялся с ними короткими, решительными взглядами. Путь предстоял долгий и опасный, и это был лишь первый шаг. Элиас снова щелкнул вожжами, и телега медленно покатилась прочь от города, навстречу Пустоши.

Глава 7

Утро в Аккрине было прохладным и тихим. Воздух пах остывшими за ночь камнями, дымом догорающих очагов и влажной землей оазиса. Первые лучи солнца лишь начинали окрашивать небо над восточной кромкой пустыни, но поселение уже жило своей размеренной жизнью. Нам предстоял долгий путь, и племя Кса-Рок, принявшее нас как гостей, теперь готовило нас к дороге как своих.

Шикра лично проследила за нашими сборами: ее пронзительный взгляд не упускал ни одной детали. Нам выдали несколько больших бурдюков, доверху наполненных драгоценной водой, и туго набитые мешки с провизией.

— Этого должно хватить на семь дней, — сказала она, требовательно подергав ремень на моем мешке, чтобы проверить крепление. — Пустыня не прощает ошибок, Адриан. Она забирает жизни тех, кто относится к ней без уважения.

— Я понимаю, — ответил я, встречаясь с ней взглядом. — Спасибо вам. За все.

Она коротко кивнула, и в ее морщинках промелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Идите по солнцу днем и по Трем Сестрам ночью, — сказала она, указав на три яркие звезды, еще видневшиеся на светлеющем небе.

У выхода из поселения нас ждали двое воинов — Калев и Орн. Шикра обратилась к ним с короткой, гортанной фразой.

— Мои лучшие разведчики, — пояснила она нам. — Они проведут вас через наши земли до Великого Камня. Это займет день пути. За ним — раскаленные пески, где чужаку не выжить. Дальше вы пойдете одни. Да хранит вас дух под своей твердой оболочкой.

Люди племени вышли проводить нас. Я искал в толпе знакомое лицо и нашел. Лея, девушка, с которой я говорил у оазиса, на мгновение встретилась со мной взглядом. Когда мы проходили мимо, она шагнула вперед и быстро вложила мне в руку гладкий, темный камень, испещренный тонкими белыми линиями. Его поверхность была прохладной и приятной на ощупь.

— Он всегда указывает на север, если его намочить, — едва слышно прошептала Лея, и ее пальцы на секунду коснулись моих. — Вернись, чтобы отдать.

На миг мне показалось, что вместе с этим прикосновением я уловил и ее страх — не за себя, а за меня. Лея поспешно отступила в толпу, словно боялась задержаться еще хоть на секунду. Я сжал камень в кулаке, чувствуя странное тепло в груди, и дал себе безмолвное обещание вернуться.

Первый день пути разительно отличался от нашего перехода к Аккрину. Наши провожаемые двигались по пустыне не как по враждебной земле, а как по собственному дому.

— Стой, — вдруг сказал Калев, останавливая меня рукой. Я замер, не видя перед собой ничего, кроме песка. Он опустился на колени и указал на едва заметную рябь у основания камня. — Видишь? Ночью здесь проходил песчаный лис. Шел против ветра. Значит, его нора где-то там. А здесь, — он показал на другую, почти невидимую цепочку следов, — грелась рогатая гадюка. Солнце едва поднялось, а она уже уползла в тень.

Я вглядывался, силясь понять, как он это видит, и постепенно начинал различать то, что раньше было для меня лишь хаосом.

Киран шла рядом, наблюдая за моими попытками.

— Они читают пустыню, как ты читаешь книгу, — тихо сказала она.

— Это поразительно, — признался я. — Для меня это были просто песок и камни.

— Каждый камень, каждая трещина на земле — это буква в ее алфавите. Мой народ читает горы так же. Мы видим следы ветра на скалах, слышим песню камнепадов, чувствуем,

где лежит путь. Каждое племя говорит с землей на своем языке. Тебе придется научиться хотя бы основам, если мы хотим выжить.

К вечеру мы достигли огромного, черного валуна, одиноко стоявшего посреди равнины. Великий Камень. Граница. Кaleb и Орн совершили короткий ритуал, вылив у подножия камня воду из маленькой фляги — дар духу за безопасный путь. Затем Кaleb повернулся ко мне.

— Дальше путь лежит прямо на юг. Пять дней, и увидите Соляную пустошь. Да не иссушит вас палящее солнце.

— И да найдете вы тень под гостеприимным камнем, — ответил я, повторяя ритуальную фразу, которую выучил.

В глазах воина промелькнуло уважение. Он кивнул, и в следующее мгновение они с Орном беззвучно растворились в сгущающихся сумерках.

Стоило нам оставить позади Великий Камень, как пустыня показала свое настоящее лицо. Она обрушилась на нас безмолвием, безразличием и бесконечностью. Дни слились в монотонный, изнуряющий ритуал: идти, пока раскаленный воздух не начинал плавить реальность перед глазами; искать жалкую тень у выветренных скал; пить драгоценную, нагретую солнцем воду из бурдюка; и снова идти, пока каждый шаг не отдавался ноющей болью. Ночи приносили жестокий холод и звезды — чужие созвездия, горевшие так ярко и близко, что казалось, протяни руку — и обожжешься об их ледяной огонь.

В эти долгие часы мы говорили. Вернее, говорила в основном Киран, а я, пытаюсь отвлечься от боли и жажды, слушал и спорил. Ее спокойная, размеренная уверенность выводила меня из себя.

— Четыре испытания, четыре благословения, — прохрипел я на третий день, с трудом переставляя ноги по сыпучему песку. — Это твой план. А что, если он не сработает? Что, если мы придем к этому розовому озеру, а твои раки из обсидиана просто разорвут нас на куски?

— Духи не отказывают, Адриан. Они лишь проверяют, — ответила она, даже не сбив дыхания. — Их хранители почувствуют твоё намерение. Они хотят видеть не силу, а чистоту сердца.

— Чистоту сердца? — я горько усмехнулся. — Скажи это Харкону, вождю Дрег-Уул. Шикра сказала, он готовится к войне. Что мы будем делать с благословениями четырех духов против его армии? Красивые слова и чистое сердце не остановят копья. Я состоял в гильдии, Киран. Я знаю, как работает мир. Все решают клинки и золото.

Киран остановилась и повернулась ко мне. Ее лицо в тени капюшона было непроницаемым, но голос звенел от холодной ярости.

— Ты мыслишь, как человек Запада. Для тебя война — это сталь и стратегия. Здесь война — это воля. В Диких Землях нет королей и армий, есть племена и духи. Если дух отвернется от племени, их колодцы высохнут, звери уйдут из их лесов, а воины потеряют силу. Если духи будут с нами, ни один воин из Кса-Рок или Зив-Ракша не поднимет оружие на стороне Харкона, даже если их вожди прикажут. Благословение — это не заклинание, это знамя, под которое встанут народы. Вот наша стратегия, стратег.

Она развернулась и пошла дальше. Я хотел ответить, но вдруг почувствовал: под ее яростью прятался страх — за племена, духов и весь хрупкий порядок. Постепенно я замолчал и просто слушал, впитывая ее знания, как сухая земля впитывает редкий дождь.

Так прошло пять дней. Пять дней ада, которые странным образом сблизили нас. На исходе пятого дня мы поднялись на невысокую каменистую гряду, и Киран указала рукой вперед.

— Смотри. Соляная пустошь.

Я проследил за ее взглядом, и у меня перехватило дыхание. До самого горизонта простиралась ослепительно белая, идеально ровная поверхность, словно костяное дно высохшего

мира. Солнце отражалось от нее тысячами слепящих бликов, заставляя глаза слезиться. Зрелище было одновременно неземным и смертельно опасным.

Той ночью мы разбили лагерь у подножия гряды. Едва проглотив кусок вяленого мяса, я завернулся в плащ и провалился в сон.

И я увидел ее.

Сон был пугающе реальным. Я стоял посреди комнаты, обставленной дорого, но без роскоши: темное дерево, тяжелый стол, высокие спинки кресел. За высоким стрельчатым окном виднелся шпиль какой-то огромной, серой крепости. Ребекка сидела за столом и медленно водила точильным камнем по лезвию кинжала. Движения были ровными, а взгляд — отсутствующим.

— Ребекка? — вырвалось у меня шепотом.

Она вздрогнула не так, как вздрагивают от неожиданности, а так, словно услышала голос призрака. Медленно, очень медленно она подняла голову. Ее глаза, всегда такие живые, были тусклыми от усталости и горя. Увидев меня, она не вскрикнула. Она просто замерла, и по ее щеке медленно покатила слеза.

— Рик... — выдохнула она, и в этом единственном слове была вся боль ее потери.

Она поднялась, опрокинув стул, но не бросилась ко мне, а сделала несколько неуверенных шагов, будто боялась, что я растворюсь в воздухе. И только подойдя вплотную, она рухнула в мои объятия, вцепившись так, словно от этого зависела ее жизнь. Ее тело сотрясало от беззвучных рыданий.

— Мы же тебя похоронили... — прошептала она мне в плечо, и это был не вопрос, а стон. — Я сама бросила горсть земли...

— Я жив, — прошептал я, прижимая ее к себе. — Я не знаю, как, но я жив. Я в другом месте. Пытаюсь найти путь назад.

Она не отстранилась, чтобы задавать вопросы. Она лишь сильнее прижалась ко мне, вдыхая мой запах, будто пытаясь убедиться, что я настоящий.

— Здесь все так сложно... — пробормотала она сквозь слезы. — Интриги, ложь... Мы совсем одни. Я так боялась, что осталась одна...

Она говорила не со мной, живым и вернувшимся, а с утешительным призраком, которого породило ее горе.

«Она страдает. Ты видишь? Для нее это мучительно: видение, которое растревляет старую рану. Ты даешь ей надежду лишь для того, чтобы снова ее отнять. Ты ведь не хочешь причинять ей боль?»

Я замер, все еще обнимая Ребекку.

«Ты можешь избавить ее от этой боли. Ты можешь прекратить это видение. Твоя сила... она может даровать покой. Просто пожелай, чтобы она забыла. Пожелай, чтобы этот сон стал лишь тенью, туманом, который рассеется без следа. Это будет милосердно.»

Слова звучали так логично. Я причинял ей боль. Значит, должен был защитить.

Я посмотрел на ее лицо, мокрое от слез, и почувствовал, как внутри меня пробуждается сила. Тонкая, ледяная нить протянулась от меня к ней.

Ее взгляд на мгновение стал растерянным, пустым. Она отшатнулась.

— Рик?.. — неуверенно произнесла она.

Мое имя прозвучало так, словно она пыталась вспомнить, чей призраком только что обнимала.

Ее образ начал таять, растворяясь в серой дымке.

Мир взорвался болью.

Я резко сел, хватаясь за голову. В висок словно вонзили раскаленный гвоздь, а в ушах стоял оглушительный гул. Я был в пустыне, у догорающего костра. Холодный ночной ветер пробирал до костей.

— Адриан? — раздался тихий, встревоженный голос Киран. Она мгновенно оказалась рядом, ее рука легла мне на плечо. — Тебе снился кошмар. Ты кричал. И... я почувствовала твою силу. Что случилось?

Я пытался отдышаться, но в груди все еще стоял ледяной ком.

— Я... не помню, — прохрипел я, и это была почти правда. Я помнил ее заплаканное лицо. Помнил отчаяние. Но все остальное было окутано густым, тошнотворным туманом. — Просто... плохой сон.

Я лег обратно, отвернувшись от Киран, и уставился на безразличные, холодные звезды. Голова раскалывалась. Я отчаянно пытался убедить себя, что это был просто сон. Кошмар, вызванный усталостью и жарой.

Но кошмары не оставляют после себя такую боль в висках. Они не прокручивают в сознании один и тот же момент снова и снова, с безжалостной четкостью: ее лицо, мокрое от слез надежды, и то, как оно вдруг стало пустым, растерянным, словно из него стерли душу. И уж точно они не оставляют после себя фантомного тепла ее объятий, которое тут же исчезает на ветру пустыни, заставляя холод ощущаться еще острее.

Я сжал кулаки. Что-то было не так. Действие, которое я совершил в том сне, ощущалось... чужим. Словно моей рукой двигал кто-то другой. Словно мысль, родившаяся в моей голове, мне не принадлежала.

Это был не просто сон. Это было то, что сделал я.

И от этого простого факта было холоднее, чем от всех звезд этого чужого мира.

Мы шли по соляной пустоши уже целый день. Мир схлопнулся до двух цветов: ослепительно-белого под ногами и выцветшего голубого над головой. Воздух был неподвижен, горяч и пах минералами. Каждый шаг отдавался сухим, раздражающим хрустом, а отраженный от соли свет бил по глазам, заставляя их непрерывно слезиться, несмотря на низко надвинутые капюшоны.

На середине пути, когда в дрожащем мареве должен был вот-вот показаться силуэт Зултара, мы наткнулись на них.

Они вышли из-за большого соляного нароста, похожего на клык мертвого зверя. Это были трое мужчин, чья кожа потрескалась от солнца и соли так же, как земля под ногами. Их глаза-щелочки смотрели на нас с ленивой, хищной уверенностью людей, которые давно не встречали сопротивления.

— Стоять, — проскрипел тот, что был впереди. Уродливый шрам рассекал губу, оттого ухмылка казалась еще более мерзкой. — Дорога в Зултар теперь платная, путешественники. Таков новый порядок.

Киран шагнула вперед. Она держалась расслабленно, но я почувствовал, как внутри нее натянулось напряжение.

— Мы идем с миром, — спокойно сказала Киран. — Пустыня и так берет достаточно жизнью. Не добавляйте к ней свои.

— Слышали? С миром она идет, — усмехнулся главарь, оглядывая ее с головы до ног. — Только в Зултаре теперь порядок Коргана. И нам плевать на ваши старые законы. Платите. И не золотом. Нам нужен особый товар. Например... вся ваша вода.

Мои пальцы сжались в кулаки. Отдать воду здесь — все равно что самому лечь в могилу и ждать, пока тебя засыплет песком.

— Корган? — переспросила Киран, будто пробуя имя на вкус. Голос у нее оставался ровным. — А что случилось со старостой Дарусом?

— Старый дурак! — расхохотался бандит. — Сбежал, когда Корган вырвал ему пару ногтей для убедительности. Прячется теперь в своем Кактусовом лесу, как трусливый шакал. Город наш. И правила наши. Так что выкладывайте бурдюки. И побыстрее.

Киран заговорила низко и ровно. Она напоминала им о древних законах гостеприимства, о воде, которую в пустыне не отнимают даже у врага, предлагала еду и пыталась найти в них хоть искру здравого смысла. Но я смотрел в пустые глаза главаря и видел лишь одно — предвкушение чужих страданий. Я провел слишком много лет в Гильдии Воров. Я знал этот тип людей. Они не слышат слов. Они упиваются страхом. Они понимают только силу.

И мне это смертельно надоело.

Пока Киран говорила, я на мгновение прикрыл глаза. Я перестал слушать ее голос и прислушался к другому — к хаосу чужих эмоций, который мать когда-то учила меня отсеивать. Жадность, презрение, тупая тяга к насилию — все это было оглушительным ревом. Но я вспомнил слова матери: «Построй дамбу. Найди свой собственный центр, свою тишину внутри этого шторма».

Я нашел ее. Свою тишину. Из нее я потянулся к главарю. Отодвинул в сторону жадность, злость, презрение и добрался до главного — до уверенности, что он здесь хозяин. На этом держалась вся его наглость. Я вспомнил второй урок матери: «Почувствуй... а теперь помешай ей».

Я собрал всю свою волю в один резкий импульс. Это была не эмоция и не страх. Просто короткий толчок — удар по тому, на чем держалась его уверенность. Я вбил его прямо в центр его самодовольства.

В тот же миг виски пронзила острая боль, словно в голову вогнали раскаленную иглу. Меня повело, перед глазами поплыли темные пятна, и я почувствовал, как по верхней губе потекло что-то теплое и соленое. Кровь. Это было гораздо труднее, чем в подвале у матери.

Ухмылка на лице бандита сменилась выражением непонимания, а затем — чистого, животного ужаса. Его глаза расширились, зрачки почти поглотили радужку. Он смотрел не на нас, а сквозь нас, в какую-то бездну, которую я для него создал. Он открыл было рот, но вместо крика вырвался лишь тихий хрип. Он качнулся и рухнул лицом в соль.

Двое его подручных ошарашенно замерли, уставившись на своего вожака. Этого мгновения мне хватило. Я рванулся вперед, выхватывая кинжалы. Расстояние в несколько шагов я покрыл за долю секунды. Первый бандит только начал поворачивать голову, когда рукоять моего кинжала врезалась ему в висок. Второй успел выхватить тесак, но я уже был слишком близко. Я парировал его неуклюжий замах и ударил рукоятью в основание черепа. Они рухнули рядом со своим вожаком.

Все было кончено за три секунды. Тишину нарушал лишь мой тяжелый выдох.

Я быстро связал их одной из веревок. Киран смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых изумление смешивалось с чем-то еще. Возможно, со страхом.

— Как?.. Что ты сделал с их главарем? Его взгляд... он будто увидел саму смерть.

— Это... часть моего дара, — ответил я, проверяя узлы. Голос сел от напряжения. — Я могу коснуться чужого разума. Посеять страх. На время.

Киран посмотрела в сторону поселения. Ее лицо стало серьезным.

— Просто войти в Зултар нельзя, — сказала она, глядя в сторону поселения. — Если люди Коргана уже у ворот, они не станут слушать объяснений. Что ты предлагаешь?

— Войдем не как путники, — сказал я, поднимаясь. Адреналин придавал мыслям ясность. — Эти трое собирали плату на дороге. Если у ворот стоят люди Коргана, новость о них откроет нам проход лучше любого пропуска.

— А потом?

— Потом найдем тех, кто был верен старосте. Я сомневаюсь, что все в поселении рады Коргану. Бандиты хороши в грабеже, но не в управлении. Если там остался хоть кто-то недо-

вольный, нам нужно добраться до него и подтолкнуть к бунту. Быстро. У нас есть полдня, прежде чем эти трое очнутся или их хватятся.

Мы двинулись дальше, оставив позади троих связанных бандитов. Риск заставил кровь быстрее бежать по жилам. Впервые за долгое время я чувствовал себя в своей стихии.

Когда мы подошли к Зултару, солнце уже садилось, окрашивая соляную пустошь в кроваво-красные тона. Поселение встретило нас настороженной тишиной. У входа стояли двое мужчин, больше похожих на разбойников, чем на дозорных.

— Ну-ну, — протянул один из них, перегордив нам путь ржавым копьём и смерив нас наглым взглядом. — Кого это к нам принесло? А с тобой, я погляжу, красивая птичка. Корган таких любит.

Я остановился, глядя ему в глаза.

— Мы пришли к Коргану. С новостями. От тех, кого вы оставили на дороге.

Глава 8

Двое у ворот Зултара переглянулись. Мои слова повисли в раскаленном вечернем воздухе, нарушая их ленивое спокойствие. Тот, что был с копьем, сплюнул в пыль и шагнул вперед. Наглость в его взгляде уступила место подозрению.

— С новостями? — проскрипел он. — Обычно парни Коргана сами приводят таких вестников. Веревкой за шею.

— Обычно, — ровным голосом ответил я, не отводя взгляда. — Но сегодня на дороге не только вы. Ваши люди попали в засаду. Песчаные падальщики, целая стая. Они зажали их у соляных наростов, а нас отправили вперед предупредить Коргана, что его тропа больше не безопасна.

Ложь родилась сама собой — быстрая и правдоподобная. Именно такой лжи меня учили в Гильдии. Разбойники снова переглянулись. В их глазах смешались недоверие и страх показаться трусами. Пропустить вестников с предупреждением — значит проявить бдительность. Задержать — значит рискнуть навлечь на себя гнев Коргана, если угроза окажется реальной.

— Ладно, — наконец прорычал второй, тот, что был крупнее. — Идите. Но если это вранье, Корган лично сдерет с вас кожу.

Нас грубо втолкнули в поселение. Зултар был полной противоположностью Аккрина. Здесь не было чувства общности. Воздух был тяжелым от страха и недоверия. Местные жители, завидев нас в сопровождении людей Коргана, шарахались в стороны, пряча взгляды. У стен домов, в тени, сидели другие бандиты, лениво точившие оружие и провожавшие Киран сальными, голодными взглядами.

Нас привели в самый большой дом — такой мог принадлежать только старосте. Внутри было грязно и пахло перегаром и немывтыми телами. На полу валялись шкуры животных, а на стенах вместо узоров висело оружие.

Посреди комнаты, в большом резном кресле, слишком роскошном для такого человека, развалился Корган. Это был жилистый мужчина лет сорока, с цепким, хищным взглядом и короткой черной бородкой, тронутой редкой сединой. Он лениво грыз кусок вяленого мяса, пока мы приближались.

— Мои ребята обычно притаскивают ко мне всякий мусор, но чтобы мусор сам пришел... — протянул он, вытирая жирные пальцы о штаны. — Говорите, что за вести, и молитесь, чтобы они мне понравились.

Я коротко пересказал свою легенду о песчаных падальщиках. Корган слушал, и на его губах играла презрительная усмешка.

— Падальщики? На моей земле? — он рассмеялся, и несколько его людей в комнате нервно подхватили смех. — Мальчик, я вырезал последнего из них еще лет десять назад. Но твоя попытка впечатлить меня засчитана. — Он подался вперед, его взгляд стал жестче. — А теперь говори правду, пока я не начал вырывать ее из вас по кусочкам.

В этот момент его внимание сместилось к Киран, стоявшей за моей спиной неподвижно и молча. Он окинул ее оценивающим, наглым взглядом, и на его губах появилась та же сальная ухмылка, что и у бандита у ворот.

— А спутница у тебя молчаливая. Красивая, — протянул он, все еще не воспринимая нас всерьез.

И тут я почувствовал, как от Киран хлынула волна эмоций, такая мощная, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Это не был страх. Это была ледяная ненависть, смешанная с болью старой раны, по которой только что ударили. Я пошатнулся, схватившись за гудящую голову. Она узнала его. Или знала то, что он сделал.

— Что с твоим дружкой? — ухмыльнулся Корган. — Солнце голову напекло?

Я понял, что мы на краю пропасти. Паника ударила под ребра, но мысль уже зацепилась за единственную нить — рассказ Шикры. Это была безумная авантюра, но другого выхода не было.

— Мы пришли не из-за падальщиков, — выпалил я, отчаянно пытаюсь перехватить инициативу. — Мы пришли за сокровищем. За легендой. За жемчужиной Розового Источника.

Тишина в комнате стала звенящей. Корган медленно выпрямился в кресле. Его ленивая поза исчезла, сменившись напряженным вниманием хищника.

— Что ты сказал? — прошипел он.

— Жемчужина, которая, по слухам, дарует благосклонность духов, — импровизировал я на ходу, цепляясь за обрывки рассказа Шикры. — Самая драгоценная реликвия этих земель. Мы слышали, что она охраняется, и пришли предложить сделку.

Киран бросила на меня быстрый взгляд, но тут же поняла и кивнула.

— Мой спутник говорит правду, — ровным голосом подтвердила она. — Мы знаем, как ее достать.

Корган рассмеялся. Громко, самодовольно.

— Ха! Вот оно что! Значит, слухи не ввали. — Он был так упоен своей догадкой, что не заметил, как проболтался. — Харкон говорил, что в этих землях скрыта сила, которую старый дурак Кайтан прячет ото всех. Принесу ему жемчужину — и когда Раск падет, все племена будут говорить уже со мной.

Он вскочил. Глаза у него горели жадностью. Корган сделал едва заметный жест рукой.

В тот же миг двое бандитов за моей спиной схватили Киран. Один заломил ей руки, второй приставил к ее горлу острый кинжал.

— Нет! — крикнул я, но еще двое преградили мне путь, обнажив клинки.

— Отличный план, мальчик, — прошипел Корган, подходя ко мне вплотную. — Только в нем есть одна лишняя деталь. Ты. Я сам хотел отправить за ней людей, а тут такая удача. Ты добудешь ее для меня. А чтобы ты был сговорчивее... — он кивнул на Киран. — Твоя спутница погостит у меня.

Я смотрел на лезвие у горла Киран, на ее лицо, которое снова стало непроницаемой маской. У меня не было выбора.

— Я согласен, — выдавил я. — Но на моих условиях.

Корган удивленно вскинул бровь.

— Первое, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Она остается живой и невредимой, пока я не вернусь.

— Ха! Ты мне нравишься, парень. Хорошо. Даю слово, — он махнул рукой. — Она мне нужна живой как гарантия.

— Второе. Мне нужны проводники. Двое. Но не из твоих людей. Из жителей Зултара. И я выберу их сам.

Корган на мгновение задумался, а затем снова расхохотался, взбудораженный идеей заполучить жемчужину.

— Идет! Выбирай кого хочешь, хоть самого старого калеку. Мне все равно. Главное — принеси мне жемчужину.

— Тогда договорились, — сказал я. Каждое слово давалось мне с трудом. — Я обещаю... эта жемчужина будет доставлена в Зултар.

Корган услышал только то, что хотел услышать. Он нетерпеливо махнул рукой своим людям.

— Вышвырните его. Пусть ищет своих проводников. А девку — в подвал. Не трогать, пока я не скажу.

Меня вытолкали из дома и швырнули на пыльную улицу. Я поднялся, чувствуя на губах вкус крови. Рука сама потянулась к поясу и нащупала гладкий камень Леи раньше, чем я понял,

что ищу именно его. Он был на месте. Я сжал его на миг, затем отпустил. Дверь за спиной захлопнулась. Я остался один, без Киран, посреди захваченного бандитами поселения.

У меня было время до утра. Я поднялся, отряхивая с одежды пыль. Паника — это роскошь, которую я не мог себе позволить. Глубоко вдохнув тяжелый, пахнувший страхом воздух Зултара, я заставил себя успокоиться и начал думать.

Я пошел по кривым улочкам, держась в тени. Город был болен. Ужас здесь был густым, липким, почти осязаемым, как сажа в воздухе. Но под этой пеленой я искал другие оттенки. Проходя мимо глинобитных домов, я закрывал глаза и слушал. Как учила мать, отсеивал животный страх, который сочился из большинства дверей. Искал иное — страх, смешанный с затаенным гневом. С тоской по прошлому, выжженной в сердце верностью старому порядку.

И я нашел то, что искал. У небольшого, но крепкого дома на окраине, возле чахлого колодца. Чувство было похоже на узел из нескольких нитей — отчаяние, бессилие, но в самом центре — тлеющий уголек негодования. Я постучал.

Дверь открыл коренастый мужчина с мозолистыми руками и взглядом, недоверчивым, как у затравленного зверя. За ним маячили двое его сыновей, а из глубины дома на меня смотрела женщина с испуганными глазами. Я коротко и тихо изложил свой план, не упоминая жемчужину, говоря лишь о заложнице и о том, что ищу тех, кто не смирился.

— Уходи, — прошептала женщина, хватая мужа за руку. В ее голосе звенели слезы. — Прошу тебя, Бор, выгони его! У нас и так ничего не осталось. Корган забрал половину урожая. Если мы поможем тебе, он заберет наших сыновей.

Она попыталась закрыть дверь, но старший сын, Нарек, положил руку на косяк.

— Мама, хватит! — голос у него был молодой, но твердый, как камень. — Староста Дарус был братом деда. Мы будем прятаться, как пустынные мыши, пока эти шакалы грызут кости нашего племени?

Отец, Бор, молчал, его лицо было непроницаемой маской. Наконец он посмотрел на меня.

— Ты чужак. Один. Что ты можешь против Коргана и его головорезов?

— Один я не могу ничего, — честно ответил я. — Но я могу достать то, что заставит другие племена отвернуться от Коргана и тех, кто за ним стоит. И мне нужны проводники. Двое. Такие, кто знает южные тропы.

Спор длился почти полчаса. Страх матери боролся с гордостью сыновей и молчаливой мукой отца. В конце концов они согласились. Бор дал слово. Двое братьев, Нарек и Тамир, пойдут со мной.

Позже вечером, когда темнота окончательно укрыла Зултар, я убедил одного из людей Коргана провести меня к Киран: сказал, что заложница должна услышать условия сделки и не наделять глупостей. Меня провели в сырой подвал, от которого несло плесенью и отчаянием. В свете факела я увидел ее — она сидела на полу в камере, но спина ее была прямой. От нее тянуло холодной, острой сдержанностью.

— У меня мало времени, — прошептал я сквозь решетку. — Завтра на рассвете я уйду. Со мной пойдут двое местных. Им можно доверять.

— Каков план? — ее голос был едва слышен, но в нем не было страха.

— Добыть жемчужину. Вернуться. Освободить тебя и этот город. Держись. Не делай глупостей. Я вытащу тебя.

Я сделал паузу.

— Киран... там, наверху. Я почувствовал твою боль. Этот Корган... он причастен к тому, что случилось с твоей семьей.

Она долго молчала, глядя в темноту.

— Он был правой рукой того, кто предал моего отца, — наконец ответила она. — Правой рукой и верным псом.

— Значит, это не просто испытание, — твердо сказал я. — Это еще и месть.

— Ты не обязан, Адриан, — в ее голосе прозвучала усталость. — Это моя ноша.

— Я у тебя в долгу, — отрезал я, приблизившись к решетке. — Ты нашла меня. Ты ведешь меня. А этот ублюдок посмел тронуть тебя. Теперь это не только твоя проблема. Это моя. Я обещаю, он заплатит.

— Просто вернись живым, — прошептала она.

— Я вернусь. С жемчужиной. И за тобой. Доверься мне.

В доме Нарека и Тамира больше не спорили. Решение было принято, и к прежнему страху примешалась суровая решимость. Перед тем как подать на стол скудный ужин из лепешек и вяленого мяса, Бор, отец семейства, совершил короткий обряд. Он взял первую лепешку, опустил на одно колено и коснулся ею утоптанного земляного пола.

— Твердый панцирь, сохрани наш дом. Горький корень, напитай наших детей. Тихий камень, дай нам сил, — прошептал он, и вся семья, включая меня, склонила головы. Затем он разломил лепешку, и первый, самый большой кусок, протянул мне, своему гостю.

В этом простом жесте было столько достоинства и веры, что я почувствовал укол стыда за тот мир, где молитвы произносили лишь из страха или жадности. Здесь благодарили даже за то небольшое, что еще оставалось.

Мы ели в напряженной тишине. Наконец, я не выдержал.

— Спасибо за ужин. И за доверие, — сказал я, обращаясь к Бору. — Но я должен знать, с кем имею дело. Как один человек, даже с горсткой людей, смог захватить целое поселение? Вы — воины. Выжившие в пустыне.

Бор медленно прожевал кусок мяса и посмотрел на свои мозолистые руки, словно ответ был написан на них.

— Он не захватывал силой. Не сразу, — глухо произнес он. — Он вполз, как скорпион в дом. Пришел с торговцами, с улыбками и бочонками дешевого эля. Слушал разговоры у костра. Узнавал, кто чем дышит, у кого какие тайны.

— Он узнал, где болит у каждого, и надавил на рану, — прошептала его жена, Тала. Ее глаза наполнились слезами. — Старый Илай, наш сосед... его дочь была больна. Корган достал редкие травы из степей. А потом заставил Илая доносить на всех, кто был верен старосте Дарусу. Он заставил нас смотреть друг на друга с подозрением.

Нарек, старший сын, сжал кулаки.

— А когда он посеял рознь, он нанес удар, — процедил он сквозь зубы, в его голосе кипела ненависть. — Двух старейшин, что осмелились назвать его чужаком, он притащил на площадь. И обвинил их в сокрытии воды. В сокрытии! Для нас это страшнее убийства.

Он замолчал, и его брат, Тамир, продолжил за него, глядя в пустоту:

— Их казнили на глазах у детей. Просто перерезали глотки, как пустынных козлят. После этого... все замолчали.

Бор тяжело вздохнул. Он посмотрел на меня, и в его взгляде больше не было недоверия, только горькое понимание общей участи.

— Теперь ты знаешь, с кем имеешь дело, чужак. И знаешь, на что мы идем.

— Да, знаю, — тихо ответил я. — Бор, у людей, которые вместе идут на такое, должны быть имена. Мое — Адриан.

Бор на мгновение замер, а затем медленно, один раз, кивнул, и в его глазах я увидел нечто похожее на доверие.

— Хватит разговоров на сегодня, — вмешалась Тала, их мать. Она поднялась и указала на циновку в углу. — Тебе нужно отдохнуть. И вам тоже, — она строго посмотрела на сыновей. — Завтра будет самый длинный день в вашей жизни. Нужны силы.

Я с благодарностью кивнул. Все, что я держал в себе с вечера, навалилось разом вместе с усталостью от долгого пути.

— Спасибо. За все.

Я прошел в угол и лег на циновку, которая показалась мне мягче любой перины. Едва моя голова коснулась свернутого в узел плаща, я провалился в сон.

Он был странным, ярким и абсолютно чужим. Я был мальчиком. Рядом сидели мужчина и женщина. Во сне я знал: это мои родители. Их смех наполнял комнату, в которой все, от стен до мебели, было сделано из гладкого белого камня. За огромным окном во всю стену простирался невероятный город.

Ровные, иглоподобные шпили из того же белого камня и отполированного до зеркального блеска серебра устремлялись в небо. По их граням, словно тонкие жилы, вились желоба из прозрачного кристалла, по которым непрерывно текли потоки мягкого золотистого света, наполняя город ровным сиянием. Но самым поразительным были мосты. В воздухе между шпилями были натянуты идеально прямые ленты из застывшего, твердого света, по которым бесшумно скользили прозрачные хрустальные кабины, похожие на капли росы. Во всем этом царил стерильная, неземная тишина, нарушаемая лишь тихим, мелодичным звоном, который издавали световые потоки в кристаллах.

Но веселье длилось недолго. Небо внезапно озарила фиолетовая вспышка. Я увидел огромный, зазубренный камень, объятый ревущим фиолетовым пламенем, летящий к земле. Он упал где-то за городом. Удар был беззвучным, но я почувствовал, как содрогнулась сама реальность. Мелодичный звон кристаллов сменился рваным, болезненным визгом. Золотистый свет в желобах на стенах начал мерцать и гаснуть, вспыхивая больными, фиолетовыми искрами. Мосты в небе начали дрожать и трескаться, как стекло, а одна из хрустальных кабин сорвалась и беззвучно полетела вниз. Лица родителей исказились от ужаса...

Потом все треснуло. Город, свет, кристаллы — все разорвал чужой голос:

— Адриан! Просыпайся!

Я резко сел. Сердце бешено колотилось. Нарек тряс меня за плечо. За окном занимался серый, предрассветный час. Сон... он был таким реальным.

Мы вышли на улицу. Бор уже ждал нас с тремя оседланными верблюдами. Он крепко пожал мне руку.

— Мои сыновья — лучшее, что у меня есть, чужак. Верни их живыми.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал я.

Мы попрощались и, едва первые лучи солнца коснулись земли, выехали из Зултара, направляясь на юг.

В сыром подвале дома старосты Киран услышала скрип ворот. Она подбежала к крошечному окошку под потолком и увидела три удаляющихся силуэта на фоне восходящего солнца. Она прижалась лбом к холодным, мокрым камням.

— Почтенная Мать-Скарабей, — прошептала она в темноту, понимая, что недостойна обращаться к духу напрямую. — Я знаю, что воля твоя покинула меня. Знаю, что запятнана в твоих глазах. Но он... в нем есть гнев, я чувствую. И все же не месть ведет его сердце. Прошу, не дай этому гневу поглотить его. Оберегай их на пути. Укрой своим твердым панцирем от беды.

Глава 9

Дни слились в монотонный ритм. Езда на верблюде оказалась совершенно новым видом страдания. Не резкая боль от ходьбы по раскаленному песку, а тягучая, изматывающая пытка. Мерное покачивание высокого горба убаюкивало, грозя усыпить разум, пока солнце безжалостно било по голове, а горячий ветер швырял в лицо мелкую, колючую пыль. Но именно это испытание, разделенное на троих, выковало между мной и братьями, Нареком и Тамиром, странную, молчаливую связь.

Мы разговаривали урывками, когда вечерняя прохлада приносила короткое облегчение или в драгоценные часы перед рассветом, когда звезды горели особенно ярко. Они спрашивали о моем мире за морем, о Соултсбери, о Гильдии, слушая с широко раскрытыми глазами, как сказки о чудовищах и героях. Я же, в свою очередь, впитывал их рассказы о жизни, подчиненной суровым законам пустыни, о духах земли, о сложной паутине традиций Кса-Рок.

— Вы правда делите воду каждый вечер? — спросил я однажды, наблюдая, как Нарек тщательно отмеряет наши порции. — Даже когда ее вроде бы достаточно?

Нарек поднял голову, его молодое лицо было серьезным в свете звезд.

— Вода — это жизнь, Адриан. Дух-Скарабей учит нас: жизнь разделенная — это жизнь усиленная. Копить воду — все равно что копить дыхание. Это ведет лишь к удушью.

— А Корган... он плюет на это учение?

Тамир, обычно более молчаливый, сплюнул на песок.

— Корган служит лишь своей жадности. Он берет воду первым, оставляя остатки старикам и детям. Он говорит, что сила определяет право на жизнь. Это закон Дрег-Уул, не наш.

— Значит, вы верите, что Раск прав? Что мир между племенами возможен? — спросил я, пытаясь разобраться в сложной политической паутине, о которой говорила Киран.

Нарек пожал плечами, закручивая крышку бурдюка. — Раск мудр. Он видит Долгий Путь. Харкон видит лишь следующую добычу. Но мудрость медлительна, Адриан. А голод быстр. Многие молодые воины теряют терпение, слушая обещания Харкона о силе и завоеваниях.

Их слова рисовали мрачную картину земли, балансирующей на грани конфликта, удерживаемой лишь угасающим авторитетом стареющего вождя.

Утром четвертого дня пейзаж начал меняться. Бесконечные дюны уступили место скалистым выходам, похожим на кости древних гигантов, и редким участкам колючего кустарника, упрямо цеплявшегося за жизнь. Вдали, на фоне туманного неба, появился силуэт — глинобитные стены, сторожевые башни, дымки очагов.

— Он гораздо больше Аккрина, — вырвалось у меня. После дней пустоты вид такого большого поселения впечатлял.

— Шигаат — сердце нашего племени, — с тихой гордостью сказал Нарек. — Вождь Кайтан держит здесь свой совет. Здесь бьется пульс Кса-Рок.

Мы остановились на гребне последней дюны. Розовый Источник лежал дальше, за Шигаатом. Нарек еще утром объяснил мне дорогу. Заблудиться там было трудно. Но здесь наши пути расходились. Перед прощанием мы все трое замолчали.

— Нарек, Тамир, — начал я, повернувшись к ним. Голос прозвучал хрипло. — Спасибо. Без вас я бы сгинул в той пустоши.

— Мы дали слово, — просто ответил Нарек, но в его глазах я увидел нечто большее, чем просто исполнение долга. За эти дни мы стали... если не друзьями, то людьми, которых связала одна беда.

— Мне нужно попросить вас еще об одном. О самом важном, — продолжил я. — Киран — женщина, которую держит Корган. Ее жизнь... И судьба Зултара. Все зависит от того, что будет дальше.

Я рассказал им свой план. Отчаянный, рискованный, почти безумный. Поручать такое двум молодым людям, которых я знал всего несколько дней... Но что-то в их глазах — тихая, холодная решимость, рожденная несправедливостью, — заставило меня рискнуть.

— Вы говорили, староста Дарус прячется в Кактусовом лесу, — сказал я, указывая на запад. — Возьмите моего верблюда и найдите его. Скажите, что люди в Зултаре помнят его. Убедите собрать верных людей. А я пойду к Розовому Источнику, добуду то, что нужно Коргану, и вернусь так быстро, как смогу. Возможно, к тому времени успею подготовить почву.

Братья переглянулись. Я заметил, как они взвешивали риск.

— Это опасно, — наконец сказал Тамир. — Люди Коргана повсюду.

— Молчать опаснее, — возразил Нарек, его челюсти сжались. — Мы пойдем, Адриан. Мы найдем Даруса. Время прятаться прошло.

Мы попрощались. Крепкое рукопожатие. Взгляд — глаза в глаза. Никаких лишних слов. Они повернули на запад. Я смотрел им вслед, пока их силуэты не растворились в дрожащем мареве, чувствуя одновременно и надежду, и острое, как нож, одиночество. Затем повернулся к Шигаату.

Войти в город было все равно что шагнуть из тишины склепа на шумный праздник. Шигаат пульсировал жизнью. Главная улица, вымощенная плоскими камнями, была полна движения. Караваны верблюдов, нагруженные тюками с яркими тканями, мешками со специями и клетками с диковинными птицами, смешивались с местными торговцами, выкрикивавшими цены на замысловатые изделия из металла, плетеные корзины и странные колючие фрукты, пахнущие медом и пылью. Здания здесь были выше, прочнее, украшены искусной резьбой в виде скарабеев и сложными геометрическими узорами, инкрустированными полированными речными камнями, переливавшимися на солнце. Богатство было не показным, но очевидным — в качестве одежды горожан, в блеске ухоженных животных, в уверенной поступи воинов в начищенных доспехах, патрулировавших стены. Это действительно было сердце Ксарок, гордое и сильное. И это был разительный, болезненный контраст с тем, во что Корган превратил Зултар.

Я шел по главной улице Шигаата, чувствуя себя песчинкой в сложном, гудящем потоке. Город жил своей жизнью, полной суеты и скрытых правил.

— Амулеты удачи! От сглаза, от злого духа! Подходи, красавчик, для тебя — скидка! — кричал торговец справа, потрясая связкой блестящих костей.

— Ткани из южных земель! Яркие, как крыло райской птицы! Жена будет довольна, путник! — зазывал другой слева, разворачивая цветастый рулон.

— Фигурки скарабеев! Сам Дух благословил! Принесут богатство и защиту!

Наметанные глаза торговцев безошибочно определяли во мне чужака. Я лишь качал головой, ускоряя шаг, стараясь ни на кого не смотреть и не поддаваться на их уловки.

И тут меня остановил голос — тихий, мелодичный зов, пробившийся сквозь уличный гул:

— Странник. Твоя душа горит так ярко в этом потоке. Две тропы легли перед тобой сразу... Хочешь узнать, куда они ведут?

Я обернулся. У входа в небольшой, завешанный выцветшими коврами шатер сидела женщина. На вид ей было лет тридцать пять, но темные глаза казались гораздо старше ее лица. Я уже знал, что время здесь течет иначе.

— Гадания — не для меня, — вежливо ответил я, собираясь идти дальше.

— Карты не лгут, — мягко возразила она. — Они лишь показывают то, что уже предначертано. А твое предначертание... оно необычно. Редко встретишь душу, перед которой путь раздваивается так ясно.

Ее слова заставили меня замереть. Две дороги.

— Меня зовут Амира, — сказала она, словно прочитав мои мысли. — А тебя?

— Адриан.

— У меня нет монет, чтобы заплатить за твою мудрость, — сказал я, все еще колеблясь. Амира улыбнулась, и сетка тонких морщинок у глаз стала заметнее.

— Твоя аура — достаточная плата. Я давно не видела такой силы, пришедшей извне.

Садись.

Я опустился на потертую подушку напротив нее. Внутри шатра пахло сухими травами.

— Откуда ты знаешь, что я не местный? — спросил я, пока она расстилала перед собой кусок темной ткани.

Гадалка усмехнулась.

— Твоя походка. Ты идешь так, словно земля под ногами — твердая и предсказуемая. А здесь каждый шаг — это танец с песком и ветром. И твой запах... ты пахнешь солью и тревогой большого города, а не солнцем и песком.

Она достала колоду овальных карт из темного дерева. Рисунки на них были грубыми, символическими. Она медленно перетасовала их, и сухой шелест дерева был единственным звуком в шатре.

— Вытяни три, — сказала она. — Куда потянется рука.

Моя рука сама двинулась к колоде. Я вытянул три карты. Положил их перед ней рубашками вверх.

Она перевернула первую. Две спирали, закручивающиеся в противоположные стороны и разделенные тонкой, изломанной чертой.

— Перекресток Судьбы, — произнесла она ровным голосом. — Твой путь ветвится, Адриан. Ты стоишь на пороге решения, которое определит не только твой дальнейший путь, но и судьбу многих.

Я молчал, глядя на спирали. Две дороги.

Она перевернула вторую карту. Толпа людей в грубых доспехах сходилась в яростной схватке под багровым небом.

— Великая Война, — прошептала Амира, ее глаза потемнели. — Твой путь пройдет через кровь и огонь. Ты окажешься в самом сердце битвы, которая решит все. Битвы не просто за земли, а за саму душу этого мира. И от исхода твоей битвы будет зависеть, взойдет ли солнце снова.

Я молчал, чувствуя, как пересохло во рту.

Она перевернула последнюю карту. Фигура человека падала с высокого утеса. Но падала вверх, в бездонное звездное небо.

— Падение и Возвышение, — голос Амиры стал почти неслышным. — Тебя ждет страшное падение, Адриан. Ты потеряешь все. Ты заглянешь в бездну. Многие сочтут тебя погибшим. Но именно это падение станет началом твоего истинного пути. Упав во тьму, ты обретешь свет. Потеряв себя, ты найдешь свое предназначение.

Она замолчала. Я сидел, оглушенный. Хотелось не верить, но слишком многое в ее словах цепляло.

— Это всего лишь карты, — наконец сказал я.

— Карты — это зеркало, Адриан, — мягко ответила она. — Они отражают то, что уже есть в тебе.

Я поднялся. Голова слегка кружилась.

— Спасибо за беседу, Амира. Это было... интересно.

Я уже почти вышел, когда обернулся.

— Скажи, как мне найти дорогу к Розовому Источнику?

Амира подняла на меня глаза.

— Иди на юг, через Ворота Скорпиона. Тропа сама выведет тебя. И помни, Адриан, — добавила она, когда я уже выходил, — ты можешь не верить картам. Но выбор все равно найдет тебя.

Я вышел на залитую солнцем улицу, чувствуя себя еще более потерянным. Предсказание гудело в голове. Я просто хотел поскорее добраться до источника.

Я шел быстрым шагом к южным воротам. Почти добрался, когда меня остановил прохожий — мужчина средних лет с обеспокоенным лицом.

— Простите, молодой человек, вы не подскажете... — начал он.

Я не стал слушать. Раздражение и усталость взяли верх. Я мельком взглянул на него — и мысль сорвалась сама, короткая и жесткая:

«ЗАМОЛЧИ. УЙДИ»

Мужчина запнулся, растерянно моргнул, посмотрел на меня так, словно впервые видел, покачал головой и, пробормотав что-то, поспешил прочь.

Во рту остался неприятный привкус, голову слегка повело. Что это было? Жара. Нервы. Усталость. Нет времени размышлять. Через массивные ворота, украшенные изображением гигантского скорпиона, я вышел из Шигаата.

Я шел на юг несколько часов под палящим солнцем. Бурдюк бил по бедру, ремень врезался в плечо, но без него я не прошел бы и часа. Тропа, поначалу утоптанная караванами, становилась все более дикой, пока не превратилась в едва заметную змейку среди раскаленных камней. Мир вокруг был серым и мертвым. И вдруг тропа оборвалась у края огромного котлована.

Зрелище было настолько неожиданным, что я замер, не веря своим глазам. Внизу, в глубокой чаше из красного песчаника, мерцало озеро. Вода в нем действительно имела нежный, розоватый оттенок, словно в ней растворили рассвет. Вокруг озера, вопреки безжизненности окружающих скал, буйствовала зелень: колючие кустарники с яркими цветами, несколько низкорослых деревьев с искривленными стволами. Воздух здесь был другим — влажным, пахнущим не только солью, но и цветами, и чем-то еще, незнакомым, пряным. Легкий ветерок, спускавшийся в котлован, казался почти прохладным после адского зноя наверху. Слишком идеально, мелькнула тревожная мысль. Слишком похоже на мираж или ловушку.

За озером, в неглубокой пещере, темнело каменное изваяние — жук с расправленными крыльями. Алтарь Кса-Рок.

Я осторожно спустился по узкой, осыпающейся тропе. Чем ниже я спускался, тем сильнее становился пряный аромат, и тем громче слышался тихий плеск воды — или мне это только казалось? Вода манила, обещала отдых и прохладу. Но Шикра говорила о хранителях. Я огляделся. Берег был пуст. Ни жемчужины, ни хранителей. Может, они появляются только если...?

Я подошел к самой кромке. Розовая вода была кристально чистой, сквозь нее виднелось песчаное дно. Я колебался мгновение, вспомнив рассказы Шикры. Сердце стучало чуть быстрее. Наконец, я решился. Медленно, ожидая удара из глубины, я опустил кончики пальцев в розовую гладь. Вода оказалась обманчиво теплой, почти горячей.

Не успел я отдернуть руку, как тихая гладь озера взорвалась с оглушительным плеском. Из глубины, вздымая тучи розовых брызг, вырвались две фигуры.

Я отступил так резко, что камни хрустнули под ногами. Передо мной были искаженные пародии на людей: тела покрывал блестящий черный панцирь, влажно поблескивающий на солнце, а вместо рук торчали огромные зазубренные клешни. Лица застыли масками страдания и злобы: маленькие, глубоко посаженные глаза горели ненавистью, рты были полны острых, как иглы, зубов.

— Еще один? — проскрежетал первый, звук был похож на скрежет камня по металлу, но под ним слышалась нотка бесконечной, изматывающей усталости. — Сколько вас еще придет сюда за тем, чего вам не получить?

— Силы ищешь? — прошипел второй, угрожающе шелкнув клешнями так близко, что я почувствовал движение воздуха. Голос его дрожал от ярости, но и от чего-то еще... застарелой боли? — Думаешь, она дается даром? Думаешь, ты достоин коснуться священного?

Руки сами поднялись перед грудью. Их вид был ужасен, но в том, как они говорили, под слоем ярости слышалась такая глубокая боль, что к отвращению примешалась непрошенная жалость.

— Я не хочу ничего красть, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, но без агрессии. — Меня послала Шикра, шаманка Кса-Рок. Мне нужна жемчужина для исполнения воли Матери. Вы ведь знаете, о чем я?

— Жемчужина?! — первый хранитель издал булькающий, горький смешок. — Она принадлежит Матери! А такие, как ты... вы приходите лишь забрать то, что вам не принадлежит! Думаешь, мы позволим осквернить Ее дар?!

— Убирайся! — взревел второй, и в его голосе смешались гнев и почти плач. — Пока воды не забрали тебя! Убирайся!

Они стояли по пояс в воде, их клешни подрагивали от сдерживаемой ярости. Разговор явно зашел в тупик. Но теперь я понимал — их гнев был рожден не злобой, а отчаянием.

— Почему? — мягко спросил я, глядя не на их чудовищные панцири, а в их глаза, где под яростью тлело отчаяние. — Почему вы так озлоблены? Что заставило вас стать такими?

Хранители замерли. Вопрос, казалось, застал их врасплох. Они переглянулись, и на мгновение их чудовищные черты дрогнули, пропустив тень давно забытой человечности.

— Ты... ты спрашиваешь, почему? — проскрежетал первый, и его клешни бессильно сжались. — Потому что мы были идиотами! Лучшими воинами поколения! Мы могли бы вести за собой племя! Но мы возгордились! Мы решили, что сила Матери принадлежит нам по праву крови и стали! Мы пришли сюда... — он запнулся, голос сорвался.

— Мы пришли сюда, чтобы забрать жемчужину! — подхватил второй, и его голос был полон такой муки, что я невольно отступил. — Мы думали, что станем сильнее самих Великих Духов! А Мать... она лишь тихо смотрела на нас своими древними глазами. А потом... потом началось. — Он задрожал. — Боль! Словно нас выворачивали наизнанку! Кожа трескалась, кости ломались и срастались по-новому! Мы кричали, но никто не слышал! Она превратила нас... в это! Обрела вечно охранять то, что мы хотели украсть! Вечно смотреть на свет, который нам больше недоступен!

— И теперь ты пришел сюда! За тем же! — снова зарычал первый. — Думаешь, мы позволим тебе уйти невредимым?! Нет! Пусть все страдают, как страдаем мы! Пусть это озеро станет могилой для всех жадных глупцов!

Их история была страшным зеркалом. Гордыня. Жажда силы. Превращение в чудовище. Неужели моя кровь, моя сила, если потерять контроль, способна привести к такому же концу? Внутри кольнул страх.

Ребекка... она бы не стала их осуждать. Увидев боль за стеной ненависти, она сказала бы что-то простое. О прощении. О том, что даже самое страшное проклятие можно снять, если найти в себе силы посмотреть правде в глаза.

Я вздохнул, вспомнив ее упрямый подбородок и добрые глаза.

— А что именно сказала Мать-Скарабей, когда... когда это случилось? — осторожно спросил я.

Хранители переглянулись, словно пытаясь вспомнить что-то сквозь пелену вековой боли.

— Она сказала... — медленно, с трудом проскрежетал первый. — Сказала... «Вы искали свет во тьме внешнего мира, презрев тот огонь, что горит внутри. Вы закрыли от меня свои сердца, и теперь мой свет не коснется вас, пока не пробьется росток из вашего собственного камня».

«Росток из вашего собственного камня». Ключ был где-то здесь. Но как помочь этому ростку пробиться сквозь толщу их обиды и ненависти?

И тут я снова услышал тихий, вкрадчивый шепот в глубине сознания. Тот самый, из сна.

«Они страдают. В их сердцах еще теплится искра. Ты можешь помочь ей разгореться. Твоя сила... она может не только разрушать, но и пробуждать. Не ломать их волю, а лишь напомнить. Напомнить им о свете Матери, который они забыли. Покажи им путь назад. Разве это не будет милосердно?»

Я замер. Руки похолодели. Воспоминание о пустом, растерянном взгляде Ребекки обожгло память. Использовать силу на них? Снова? Даже ради Духа?

От одной мысли закружилась голова. Соблазн был почти невыносимым: протянуть руку — и исправить их боль. Но страх снова стать марионеткой, страх навредить, пытаюсь помочь, сдавил грудь.

На их искаженных лицах все еще проглядывала тень тех, кем они были. Хотелось помочь им. И, возможно, шепот был прав? Возможно, моя сила — это не только проклятие?

Я зажмурился.

Нет. Не стану слушать шепот. Сделаю это сам.

В памяти всплыло чувство прощения, о котором я думал, вспоминая Ребекку. Тихое тепло, которое дала мне семья Бора. Слова Матери о свете, пробивающемся из камня.

Мысленно собрав эту надежду, это тихое тепло, я направил его к хранителям — мягкой, светлой волной, что должна была коснуться их многовековой боли, а не ранить ее.

Когда я открыл глаза, в розовой воде передо мной на миг вспыхнуло багровое отражение моих зрачков. Меня тут же качнуло, и к горлу подступила тошнота от резкого, неправильного жара внутри.

Хранители замерли. Их злобные черты дрогнули. Из глубины их глаз, из-под корки ненависти, пробился свет — свет узнавания, раскаяния, надежды. Черные панцири на их телах пошли трещинами. Из них полился мягкий золотистый свет, словно разбивалась скорлупа. Раздались тихие стоны мучительного освобождения. Панцири медленно растворялись, истаявали в этом свете. Через несколько долгих, напряженных секунд передо мной стояли двое — мужчина средних лет с глубокими морщинами у глаз и совсем юная девушка. Оба были в простой одежде воинов пустыни, изможденные, словно после долгой болезни, но их глаза были ясными и полными слез благодарности.

— Мать... простила... — прошептал мужчина, касаясь своего лица, словно впервые ощущая кожу, а не холодный панцирь. Слезы текли по его щекам, оставляя светлые дорожки на пыльной коже. — Столько времени... во тьме...

— Мы снова видим свет! — воскликнула девушка, простирая руки к небу. Она выглядела совсем юной, но в ее глазах отражались мудрость и боль прожитых столетий. — Я... я почти забыла, каково это. Меня зовут Саира. А это — Каил. Мы были... мы снова есть.

Они повернулись ко мне, их взгляды были полны такой глубокой, почти невыносимой благодарности, что я почувствовал себя неловко и опустошенно. Лишь направил их. Все остальное — их собственная воля и прощение Матери.

— Жемчужина... — тихо напомнил я.

— Да! Да, конечно! — Каил вскочил, его движения были еще немного скованными, но уже человеческими. — Она на дне, в самом центре. Возьми ее, странник! Ты заслужил! Ты... ты показал нам путь обратно. Ты освободил нас!

Саира тоже поднялась, ее глаза сияли.

— Мы больше не нужны здесь. Наша стража окончена. Спасибо тебе...

— Адриан, — представился я после короткой паузы.

— Адриан, — повторила Саира. — Пусть твой путь будет ровным.

Они посмотрели друг на друга, затем на озеро, которое было их тюрьмой так долго. А потом, без лишних слов, они просто начали растворяться. Их тела становились прозрачными, превращаясь в золотистую дымку, которая медленно поднялась от земли и растаяла в теплом воздухе над озером, не оставив после себя ни следа. Они ушли. По-настоящему свободные.

Тишина, повисшая над озером после ухода хранителей, была почти оглушающей. Я оставил на берегу сапоги, пояс, куртку и оружие, оставшись в одних нижних штанах, и скользнул в теплую, почти горячую розовую воду. Погружение принесло странное облегчение — вода была плотной, шелковистой, а под ее поверхностью царил абсолютная тишина, нарушаемая лишь гулким стуком моего сердца.

Я нырнул глубже. Давление нарастало, но видимость была превосходной. Розовый оттенок воды исходил не от примесей, а словно от самого ее свечения. И вскоре я увидел источник этого света — на песчаном дне, точно в центре озера, лежала небольшая сфера, излучающая мягкий, ровный белый свет, который окрашивал окружающую воду в нежные тона. Жемчужина.

Я подплыл и осторожно взял ее. Она была гладкой и прохладной на ощупь, словно кусочек лунного света, застывший в воде. Держа ее в руке, я выплыл на поверхность и, не возвращаясь на берег, направился к алтарю на противоположной стороне.

Выбравшись из воды, я подошел к каменному изваянию скарабея. В его лапках была небольшая выемка, идеально подходящая по форме. Сердце снова забило чаще. Я осторожно положил жемчужину в углубление.

Камень под моими пальцами едва заметно вздрогнул. Жемчужина вспыхнула ярче, озарив пещеру ровным белым светом, и раздался тихий, мелодичный звон, похожий на звук крошечного колокольчика. Затем все стихло.

Я стоял, не зная, чего ждать дальше. Неужели это все? Испытание пройдено?

И тут я услышал тихий, знакомый смех, раздавшийся, казалось, из самого воздуха за моей спиной. Я резко обернулся.

У входа в пещеру, прислонившись к скале, стояла Амира, гадалка из Шигаата. На ее губах играла все та же загадочная улыбка. Только тут я вдруг остро понял, что стою перед ней босой, мокрый и почти раздетый. Запоздалое смущение кольнуло где-то под ребрами, но тут же исчезло под тяжестью ее взгляда.

— Амира?! Что ты здесь делаешь? Как ты?..

Она усмехнулась, и ее глаза сверкнули древней, нечеловеческой мудростью.

— Пришла посмотреть, как мой избранник справляется с первым уроком. Ты не разочаровал.

В следующее мгновение от нее начал исходить свет — теплый, золотистый, как закатное солнце пустыни. Ее простая одежда, морщины и усталый облик гадалки растворились в сиянии. Когда свет померк, передо мной стояла совершенно другая женщина. Высокая, с точеной, гибкой фигурой — каждое движение ее мускулистых рук и ног было полно скрытой силы и плавной, хищной грации. Длинные черные волосы, словно живой шелк, ниспадали на плечи, обрамляя лицо невероятной, дикой красоты, одновременно притягивающей и пугающей. Возраст угадать было невозможно — она могла быть юной девой или древней, как сама пустыня.

Она была одета в тонкое, почти невесомое черное шелковое платье, которое струилось по ее телу, как жидкая ночь, больше намекая на изгибы под тканью, чем скрывая их. Платье казалось единым целым с ее кожей. А в ложбинке между грудей был вытатуирован золотой скарабей, мерцающий собственным светом.

От нее исходила такая древняя, первобытная сила, такая властная, почти гипнотическая аура, что у меня подогнулись колени.

— Кто... ты? — прошептал я, чувствуя, как слабеют ноги.

Женщина рассмеялась, и ее смех был похож на шелест ветра в каньонах — древний, свободный и немного насмешливый.

— Глупый вопрос, дитя иного мира. Я — та, чей алтарь ты только что почтил своей смелостью и... состраданием. Я — Кса-Рок. Дух этой пустыни. Мать-Скарабей.

Я застыл. Гадалка Амира... была Духом? Это казалось невозможным.

— Но... Амира...

— Амира — лишь одна из моих личин, — она легко отмахнулась, словно говоря о смене платья. — Должна же я как-то незаметно присматривать за своими детьми. Но сейчас не об этом. Ты прошел испытание, Адриан. Не так, как ожидали многие до тебя. Ты не пытался сломить хранителей силой или хитростью. Ты услышал их боль. Это путь мудрости, и он редок среди приходящих извне.

Она сделала шаг ко мне, ее взгляд стал серьезнее, древняя сила в ее глазах, казалось, могла испепелить.

— В награду я дарю тебе свое благословение.

— Нет! — вырвалось у меня прежде, чем я успел подумать. — Прошу, отдай его Киран! Она изгнанница, ее дух отвернулся от нее! Ей оно нужнее, чтобы вернуть свое имя!

Кса-Рок посмотрела на меня с искренним удивлением, которое быстро сменилось мягкой, почти материнской улыбкой.

— Благодородный порыв, дитя. Но благословение — не плащ, который можно передать другому. Это росток, что прорастает в *твоей* душе из семени *твоих* деяний. Дитя гор идет своим путем, и ее испытание — иное. Оно происходит прямо сейчас, и я чувствую — она близка к тому, чтобы найти свой собственный свет. А твое благословение — твое по праву. Прими его.

Она подняла руку и коснулась пальцем моего лба. Я почувствовал легкую прохладу, словно прикосновение ночного песка. А затем — хлынул поток. Это не была боль в чистом виде. Скорее знание: образы пустыни — восходы и закаты над дюнами, охота скорпиона, полет ночного мотылька, тайные тропы зверей, скрытые под песком источники — все это хлынуло в мое сознание, становясь частью меня. Я почувствовал биение сердца самой пустыни, ее дыхание, ее волю.

Следом пришло изменение. Между лопатками обожгло, словно на коже проступал раскаленный знак, но боль быстро ушла. Я почувствовал, как меняюсь — становлюсь легче, сильнее, собраннее.

Когда я снова смог сфокусировать взгляд, на мне уже была прочная кожаная броня: тисненый нагрудник, наплечники, наручи и поножи поверх простой серой туники и штанов. За плечами тянулся длинный темный плащ, изорванный по краям, а нижнюю часть лица скрывал плотный черный платок, оставляя открытыми только глаза. Волосы стали длиннее, почти до плеч, и разметались по ветру, которого здесь, в пещере, не было. В руках я сжимал свои кинжалы — кинжалы матери, с их знакомыми нефритовыми камнями в рукоятках.

Я опустил на колени, потрясенный преображением.

— Встань же, дитя! — голос Кса-Рок прогремел, как раскат грома, отражаясь от скал. — Отныне ты, Адриан, носишь мой знак! Ты — мой глас в этой пустыне! Лети к своей цели! Покарай тех, кто сеет хаос и попирает древние законы! Покажи им всю ярость Матери-Скарабея!

«Лети...» — мысль была скорее инстинктом, чем осознанным желанием. «Как было бы здорово сейчас полететь... прочь отсюда, к Киран...»

В тот же миг я почувствовал, как что-то мощно расправляется за спиной. Короткая, острая боль — и следом невероятное ощущение легкости, словно с плеч сбросили невидимый груз. Я обернулся и увидел две пары полупрозрачных крыльев, точь-в-точь как у скарабея. Они выросли прямо из моей спины, из места между лопатками, где теперь, я знал, темнел знак скарабея.

— Благодарю тебя, Великая Мать! — выкрикнул я, охваченный смесью восторга, потрясения и неверия.

Я подпрыгнул, почти не думая, лишь подчиняясь новому инстинкту. Крылья взмахнули — неуклюже, резко, — и земля отступила вниз. Всего на пару метров, но этого хватило, чтобы почувствовать потоки воздуха под перепонками и силу, скрытую в их хрупком на вид мерцании.

— Лети! — снова пророкотала Кса-Рок, и в ее голосе слышались нетерпение и... гордость?

Я развернулся в сторону Зултара. Путь больше не нужно было искать — он чувствовался нитью, протянутой через пустыню. Еще один взмах, увереннее прежнего, — и меня рвануло вперед. Низко над землей, почти касаясь верхушек колючих кустарников, я рассекал горячий воздух.

Пролетев небольшое расстояние, я обернулся. Пещера с алтарем была пуста. Кса-Рок исчезла, словно ее и не было, будто все это было лишь порождением измученного разума. Но сила в теле, знание пустыни в голове и трепещущие за спиной крылья были более чем реальны.

Рука сама потянулась к новому поясу и нащупала знакомый гладкий камень Леи. С кончиков мокрых пальцев на него упала капля розовой воды. Камень едва заметно дрогнул, указывая север. Путь к Зултару я чувствовал и без него. И все же сжал камень на миг крепче, словно проверял не направление, а самого себя.

Ветер засвистел в ушах, заглушая все остальные звуки. Восторг от полета смешивался с яростной решимостью. Предсказание гадалки... Амиры... Кса-Рок... «Падение и возвышение». Неужели это оно? Эти мысли пришлось отбросить. Сейчас было важно лишь одно.

«Дождись, Киран! Я уже лечу! Только дождись! Я покараю их!» — стучало в висках огненными буквами, почти заглушая даже воспоминание о проклятом шепоте из ночного кошмара.

Я летел вперед, сам еще не зная, нес ли спасение или новое падение.

Глава 10

Время в подвале превратилось в густую, удушливую смолу. Киран потеряла счет дням. Третий? Четвертый? Солнечный свет сюда не проникал. Единственное крошечное окошко под потолком кто-то завалил грязным тряпьем, погрузив ее камеру в почти абсолютную тьму, где лишь тонкая полоска света у двери напоминала о мире снаружи. Воздух был тяжелым, спертым, пах сырой землей и плесенью. Она слышала скрежет крыс в стенах, отдаленные крики с улицы и размеренные шаги караульных за дверью — звуки, ставшие ее единственным календарем.

Она сидела на холодных, влажных камнях, прислонившись спиной к стене, от которой веяло могильным холодом, и пыталась дотянуться. Мысленно. Духовно. Она звала. Звала Скисс-Тарн, духа своего племени, чей свободный крик когда-то эхом отдавался в ее душе, наполняя силой гор. Она хорошо помнила это ощущение — теплое, живое присутствие, шепот ветра на вершинах, ясность полета. Но в ответ была лишь давящая, ватная тишина. Создавалось ощущение глухой стены, там, где раньше был целый мир. Отчаяние изгнанницы стало ледяным панцирем вокруг ее души, отрезавшим ее от мира духов так же надежно, как эта ржавая решетка отрезала ее от мира людей.

Но она не сдавалась. Каждый день ее выволакивали из камеры на допрос. Двое ближайших подручных Коргана — грубые, вонючие мужланы с пустыми глазами — пытались выбить из нее сведения. «Глупые псы, — думала Киран, глядя сквозь них. — Их сила — в кулаках, а разум — в желудке. Они боятся Коргана больше, чем думают о правде».

— Говори, горная ведьма! — рычал первый, Брук, наклоняясь так близко, что она чувствовала запах гнилых зубов и вчерашнего перегара. — Зачем ты здесь? Кто послал тебя?

— Я уже говорила тебе вчера, пес, — голос Киран был холодным и острым, как горный ледник. Она знала, что страх — это то, чего они жаждут, а презрение — то, что их бесит. — Я изгнанница. Имя Раска для меня — пустой звук уже больше двадцати лет.

— Врешь! — Клык взревел и нанес короткий, жесткий удар ей под ребра.

Она задохнулась от боли, согнувшись, но не издала ни звука, лишь стиснула зубы, чувствуя, как вспышки боли расходятся по телу. «Слабак, — подумала она сквозь боль. — Бьешь женщину, потому что слов боишься».

— Никто добровольно не покидает горы! — продолжал орать Клык, наклоняясь над ней. — Тебя подослали! Что ищет твой дружок? Те артефакты, о которых шепчутся? Думаешь, мы не знаем?! Отвечай, или следующий удар сломает тебе кости!

«Артефакты... Значит, Корган уже проболтался своим псам о жемчужине», — отметила Киран про себя, медленно выпрямляясь и глядя Клыку в глаза с ледяным спокойствием.

— Мой спутник ищет справедливости, — так же ровно ответила она, хотя каждое слово отдавалось болью в груди. — Понятие, которое вам, боюсь, незнакомо. А удерживая меня, вы совершаете ошибку. Духи пустыни не прощают неуважения к их воле. Или ваш Корган уже считает себя сильнее их? Интересно...

Они взревели от ярости, снова посыпались угрозы, одни и те же тупые вопросы. Они смеялись ей в лицо, тыкали пальцами, пытались запугать. Но она была скалой. Она видела их страх за показной жестокостью, их глупость, их жадность. Они не верили ей, потому что сами жили во лжи. В их глазах она была либо шпионкой, либо сумасшедшей ведьмой. И оба варианта обрекали ее на смерть, если Адриан не вернется вовремя.

На утро, которое она определила как шестое по смене караула у подвала, дверь камеры распахнулась с грохотом.

— На выход! — рявкнул Клык. — Корган приготовил для тебя представление. Может, это развяжет твой упрямый язык.

Ее грубо вывели на залитую солнцем площадь перед домом старосты. Свет ударил по глазам так сильно, что она зажмурилась, чувствуя головокружение. Когда зрение немного прояснилось, она увидела толпу. Жители Зултара, согнанные сюда бандитами, стояли понуро, пряча взгляды. В центре площади стояла маленькая девочка лет семи, худенькая, испуганная, с огромными темными глазами, полными слез. Рядом с ней возвышался дюжий бандит с длинной плетью в руке.

— Эта малявка пролила воду! — проорал Клык, державший Киран. — Воду, которую несла самому Коргану! За такое — только одно наказание! Пять ударов! Чтобы все видели!

Сердце Киран сжалось так, что стало трудно дышать. Девочка дрожала всем телом, но не плакала, лишь закусил губу до крови, и тонкая струйка стекала по подбородку. Палач лениво покрутил плетью, и в мертвой тишине площади ее свист прозвучал оглушительно. Он наслаждался властью, страхом, повисшим в воздухе.

— Смотри внимательно, ведьма! — прошипел ей на ухо Клык. — Может, поймешь, что бывает с теми, кто не слушается Коргана. Это и тебя ждет, если не заговоришь.

Гнев. Он вспыхнул в ней так внезапно и яростно, что на мгновение заглушил даже пустоту, оставленную духами. Гнев на этих тупых, жестоких тварей. Гнев на несправедливость. Гнев на собственное бессилие. И тогда, почти инстинктивно, из самой глубины ее истерзанной души вырвалась молитва. Она взмолилась всем Духам — Отцу-Орлу Скисс-Тарн, Матери-Скарабею Кса-Рок, что правит этой пустыней, Сыну-Медведю Дрег-Уул, чья сила бродит по степям и лесам, и Дочери-Ягуару Зив-Ракша, скрывающейся в джунглях, — хотя знала, что ее голос тонет в пустоте их молчания. Это был крик не столько надежды на ответ, сколько отчаянный акт веры перед лицом бездны, последний рубеж ее духа.

«Неужели вы оставите это дитя?! Неужели вы позволите этому случиться?! Не ради меня — ради нее! Не дайте свершиться этому! Молю!»

Она вывернулась из хватки Клыка, ударив его локтем под дых, и, спотыкаясь на ослабевших ногах, почти падая, но снова выпрямляясь, побежала к центру площади. Ее движение было отчаянным рывком сломанной птицы, все еще пытающейся защитить птенца.

— Остановись! — выкрикнула она, раскинув руки, пытаясь заслонить собой ребенка.

Палач лишь злобно ухмыльнулся. Он видел перед собой лишь безумную, слабую женщину. Он замахнулся. Плеть со свистом рассекла воздух. Киран зажмурилась, ожидая обжигающей боли...

Но удара не последовало. Вместо этого раздался странный, резкий звук — будто лопнула туго натянутая струна, а следом — короткий, булькающий вскрик.

Киран медленно открыла глаза.

Перед ней, заслоняя ее и девочку, стоял... мужчина? юноша? Высокий, в темной кожаной броне, в изорванном плаще и с платком, скрывающим нижнюю часть лица. Длинные черные волосы разметались по плечам. За спиной... Киран неверяще моргнула... трепетали две пары полупрозрачных, переливающихся крыльев, как у гигантского скарабея. В одной руке он сжимал конец плети, остановив ее в сантиметре от своей головы. А во второй руке был кинжал, вогнанный в грудь палача по самую рукоять. Движение было настолько быстрым, что она его даже не заметила.

Палач захрипел, его глаза бессмысленно закатились, и он мешком осел на землю, едва не утянув за собой руку незнакомца. Тот спокойно, почти равнодушно, выдернул свой кинжал. Темная кровь хлынула на белый песок площади, рисуя уродливый узор. Толпа в ужасе ахнула и отшатнулась, образуя вокруг них пустое кольцо.

И тут Киран увидела рукоять кинжала. Изящная, украшенная зеленым камнем, который тускло мерцал даже в ярком солнечном свете. Она знала эту рукоять. Нефрит. Цвет глаз Лианны Ардгейл. Ее сердце пропустило удар. Шок, облегчение, ужас и неверие смешались в тугой ком.

— Адриан?.. — прошептала она, не веря своим глазам.

Человек медленно повернулся. Его глаза над платком — пронзительные, темно-голубые, но теперь в них горел холодный, незнакомый огонь. Это был точно он. Но в то же время совсем другой. Преобразившийся. Опасный.

Крылья за его спиной медленно сложились и исчезли, втянувшись под броню. Он сделал шаг к ней.

— Киран? — голос был его, но звучал глуше и тверже. — Ты цела?

Она не смогла ответить. Лишь молча кивнула, глядя на него широко раскрытыми глазами. Столько вопросов металось в голове: Как? Что с ним стало? Эти крылья... этот огонь в глазах... Она открыла было рот, чтобы спросить, чтобы хоть что-то сказать, но...

— Хватайте его! Убить выродка! — раздались яростные крики.

Оцепенение, охватившее бандитов Коргана при виде внезапного и жестокого убийства, прошло. С дикими воплями они начали выбегать из домов, из переулков, заполняя площадь, как саранча. Их было много. Слишком много. Десятки вооруженных головорезов против одного преобразившегося чужака, одной изгнанницы и толпы безоружных жителей.

Адриан огляделся. Киран увидела, как быстро изменился его взгляд: растерянность исчезла, уступив место почти пугающей сосредоточенности. Он оценивал площадь, разбойников, жителей, проходы между домами — все сразу.

Врагов было слишком много для открытого боя против одного преобразившегося чужака, одной измученной изгнанницы и толпы безоружных жителей. Но люди Коргана не были войском. Скорее стаей шакалов: злые, пьяные, шумные, еще не оправившиеся от внезапного появления Адриана.

Тогда он сделал то, чего от него никто не ожидал. Он медленно опустил руку с окровавленным кинжалом и одним резким движением стянул с лица черный платок. Его лицо, бледное после долгого пути, но теперь полное странной, почти неземной решимости, предстало перед жителями Зултара.

— Люди Кса-Рок! — его голос прозвучал неожиданно громко и чисто, перекрывая шум толпы. — Вы склонили головы перед шакалами! Вы позволили страху отравить ваши колодцы и ваши души! Вы забыли, кто вы! Вы — дети Матери-Скарабея! Ее твердый панцирь — ваша защита, ее мудрость — ваш путь! Поднимите глаза! Вспомните!

Толпа замерла. Бандиты остановились, удивленные его дерзостью. Жители смотрели на него со смесью страха и зарождающейся надежды.

— Кто ты такой, чужак? — выкрикнул из толпы пожилой мужчина с недоверчивым взглядом. — Слова пусты! Где знак?! Покажи знак Матери, если смеешь называть Ее имя! Только Ее Глашатай может говорить так!

Адриан молча повернулся к нему спиной. Он слегка приподнял воротник своей кожаной кирасы и край серой туники под ней. На его спине, вдоль позвоночника, пролегла тонкая, черная линия. А между лопатками темнел знак скарабея. Но стоило Адриану расправить плечи, как крылья знака вспыхнули мягким золотом, будто под кожей зажегся скрытый свет.

Площадь взорвалась потрясенным гулом. Этот знак знали все.

— Мать-Скарабей Кса-Рок даровала мне свое благословение! — Адриан снова повернулся к ним, и его голос загремел с новой силой. Он указал кинжалом на растерявшихся бандитов.

— Она направила меня покарать тех, кто осквернил Ее землю! Кто со мной — встанет под Ее защиту! Кто против — познает Ее гнев!

— Чушь! — раздался яростный крик. Из дома старосты вышел Корган, его лицо было искажено злобой. — Кса-Рок не стала бы давать свой знак чужаку! Этого не случилось сотни лет! Он лжец! Самозванец!

Но его слова тонули в нарастающем гуле толпы. Они смотрели на Адриана, на знак, вспыхнувший золотом на его спине, перешептывались, их глаза загорались искрой, которой Корган еще не видел — искрой веры. Кто-то из стариков упал на колени, бормоча молитву.

Из рядов жителей вперед вышел Бор, отец Нарека и Тамира. Его лицо было суровым, но в глазах горел огонь.

— Крылья... — пророкотал он, глядя на Адриана. — Я слышал от стариков легенды. Только избранный Матерью может расправить крылья скарабея. Ты... ты действительно Ее Глашатай!

И Бор сделал первый ход. В его руке все это время был зажат тяжелый кузнечный молот. С яростным ревом он шагнул вперед и со всей силы опустил его на голову ближайшего бандита. Раздался тошнотворный хруст. Бандит рухнул замертво, даже не успев вскрикнуть.

Это стало сигналом.

— За Кса-Рок! — взревел кто-то в толпе.

— Смерть шакалам!

— За Даруса!

Толпа взорвалась. Десятки мужчин и даже несколько женщин бросились вперед, вооруженные тем, что попало под руку — тяжелыми дубинами пастухов, ржавыми ножами для разделки туш, серпами для сбора колючек, просто камнями, подобранными с земли. Их движения были хаотичны, кто-то спотыкался, кто-то на мгновение замирал в нерешительности, но, видя, как Бор уже сражается, как Адриан стоит в центре, как живой символ надежды, они снова устремлялись вперед.

Праведный гнев захлестнул их. Они инстинктивно пробивались сквозь ряды опешивших, растерявшихся бандитов к центру площади, отталкивая врагов плечами, сбивая с ног, формируя вокруг Адриана и Киран неровный, дрожащий, но отчаянный круг — последний рубеж обороны. Кто-то сунул Киран в руку старый разделочный нож.

Бандиты, застигнутые врасплох этой волной народного гнева, поначалу растерянно отступили, не ожидая такого отпора от запуганных жителей. Но Корган быстро привел их в чувство.

— Стоять, трусы! Убить их! Убить всех! — взревел он, выхватывая свой кривой тесак. — За каждого убитого — двойная доля добычи!

Бандиты, оправившись от шока и подстегнутые жадностью, с рычанием приготовились к бою, их лица снова исказились злобой.

Адриан быстро натянул платок на лицо. Рядом с ним встала Киран, ее глаза горели решимостью, нож она держала уверенно, будто это был не разделочный нож, а клинок, знакомый ей много лет. С другой стороны встал Бор, его молот был обагрен кровью.

— Где мои сыновья? — быстро спросил он, тяжело дыша, но не отрывая взгляда от врага.

— В пути, — ответил Адриан. — Они приведут Даруса. Нам нужно продержаться. Пока они не придут.

Бор молча кивнул, его челюсти сжались.

И тогда вперед шагнула Киран. Она подняла нож к небу как знак отчаяния и последней надежды.

— Отец-Орел... — прошептала она, и в этом шепоте была вся боль двадцати лет молчания. — Я знаю, я недостойна. Знаю, что отвернулась, что мой позор запятнал твое имя. Но я здесь. Среди чужого народа, перед лицом жестокости. Я не прошу силы для них. Я не прошу победы. Я прошу лишь... знак. Одно слово. Дай мне знать, что ты еще помнишь меня. Что моя душа не совсем потеряна во тьме...

Она замолчала, ожидая лишь привычной пустоты. Но вместо этого... от нее начало исходить едва заметное, серебристое свечение. Оно родилось где-то глубоко в груди и начало разливаться по телу, становясь все ярче. Киран вздрогнула, распахнув глаза, глядя на свои руки,

окутанные мягким, пульсирующим ореолом. Это было невозможно. Неожиданно. Почти пугающе. Она услышала знакомый, тихий, но ясный голос, похожий на шелест ветра в горных ущельях. Голос, который молчал для нее два десятилетия.

«Я никогда и не покидал тебя, дитя гор, — прозвучал он в ее сознании, строгий, но отеческий. — Ты сама закрыла свое сердце. Но твой порыв, твоя готовность защитить невинную душу сломали лед. Ты нашла путь обратно. Теперь ты снова слышишь мою песню».

Слезы хлынули из ее глаз — слезы от удивления и облегчения. Она едва успела осознать это чудо, как к голосу Орла присоединился другой — женский, древний, наполненный силой и легкой, всезнающей иронией.

«И ты прошла свое испытание, изгнанница, — прошепестел голос Матери-Скарабея Кса-Рок. — Ты сумела проявить сострадание там, где твое собственное сердце было полно горечи. Ты защитила дитя моей земли. Твоя связь с Орлом восстановлена. Но теперь и я признаю тебя. Отныне ты — дитя двух духов. Неси наш свет в этот мир».

Киран стояла посреди площади, окутанная серебристым сиянием, слезы текли по ее щекам, но глаза горели вновь обретенной верой и силой.

Эта пауза, наполненная мистическим светом, вывела бандитов Коргана из ступора.

— Чего встали, идиоты?! — взревел Корган откуда-то из задних рядов. — Убейте их всех! Начать с ведьмы!

Первая линия головорезов с грязными ругательствами и диким ревом бросилась вперед, поднимая ржавые тесаки и дубины. Инстинкт, отточенный годами до изгнания и выживания, сработал быстрее мысли. Она резко отвела руки назад, ощущая, как воздух вокруг нее густеет, подчиняясь ее воле, а затем с силой выбросила их вперед.

Мощный невидимый удар ветра, рожденный из ее гнева и вновь обретенной связи, хлестнул по площади. Он поднял тучи едкой пыли и мелкого песка, ослепляя нападавших. Первая линия бандитов захлебнулась собственными криками, их неуклюжий бег превратился в кувыркание. Порыв ветра швырнул их назад, как сухие стебли перекасти-поля. Они рухнули на землю, барахтаясь, кашляя и отплевываясь, совершенно дезориентированные.

Восставшие жители Зултара не растерялись. С яростными криками они бросились на упавших, осыпая их градом камней и ударами дубин.

— Неплохо, — услышала она голос Адриана рядом. — Еще бы огонь с неба — и можно заканчивать.

Киран бросила на него быстрый, почти яростный взгляд. Он стоял легко, чуть пригнувшись, кинжалы в руках двигались сами собой, а в глазах над платком плясали опасные, почти безумные огоньки.

— Сосредоточься, Адриан! Это не игра! — рявкнула она, отбивая неуклюжий выпад одного из поднимающихся бандитов.

Остальные бандиты, обойдя своих поверженных товарищей, уже приближались.

— За Кса-Рок! — выкрикнул Бор, поднимая свой молот.

— За Зултар! — подхватили остальные.

Хаос захлестнул площадь. Звон стали смешался с яростными криками, предсмертными хрипами и глухими ударами дубин о плоть.

Киран ринулась вперед. Ее старый нож казался детской игрушкой против тесаков бандитов, но теперь она двигалась иначе. Сила духов не сделала ее непобедимой, но она обострила ее чувства, ускорила рефлексy. Она уклонялась, парировала, наносила быстрые, точные уколы в незащищенные места — в запястья, под колено, — заставляя бандитов спотыкаться, терять равновесие.

Рядом с ней сражался Адриан, и это было страшное зрелище. Он двигался с нечеловеческой скоростью, словно тень, обретшая плоть. Его кинжалы мелькали так быстро, что усле-

дить за ними было невозможно. Он рвал, кромсал, убивал. Его движения были лишены всякой эмоции. Чистая, смертоносная эффективность.

Разбойники лезли со всех сторон, оттесняя их шаг за шагом к центру площади. Жители Зултара дрались отчаянно, но их ярости не хватало против опыта и стали головорезов. Несколько человек уже упали, их тела остались лежать на затоптанном песке.

Вдруг Киран увидела, как один из жителей, молодой парень, прижатый к стене двумя бандитами, взревел от ярости и отчаяния. И в тот же миг из его предплечий, разрывая кожу и ткань, вырвались длинные, черные, хитиновые когти, похожие на лапы гигантского насекомого. Он с нечеловеческой силой отшвырнул одного врага и полоснул когтями по лицу другого. Бандит взвыл, зажимая раны. Еще несколько человек в толпе — мужчина, пытавшийся защитить свою жену, старуха, у которой только что убили сына — с криками боли и ярости обрели это жуткое оружие. Мать-Скарабей отвечала на их отчаяние, даруя им орудия гнева.

Появление когтистых воинов вызвало минутное замешательство в рядах бандитов и воодушевило восставших. Но численный перевес все еще был на стороне врага. Киран почувствовала, как кольцо окружения неумолимо сжимается. Исход казался предрешенным.

И тут, прорезая шум битвы, над площадью разнесся долгий, ревуший звук — боевой рог. Все замерли, жители и бандиты, удивленно поднимая головы. Звук шел с запада. Там, над гребнем дюны, поднималось облако пыли, стремительно приближаясь.

А затем из пыли вырвались всадники. Десяток боевых верблюдов, несущихся во весь опор. Впереди, сжимая в руках копьа, скакали Нарек и Тамир, их лица были покрыты пылью, но глаза горели яростью. Рядом с ними — пожилой, но крепкий мужчина с седой бородой одетый в простую, но добротную броню старосты. Дарус.

Надежда, почти угасшая, вспыхнула в глазах жителей.

— Дарус! Староста вернулся! — крикнул кто-то из толпы, и этот крик потонул в оглушительном реве.

По площади прокатилась новая волна ярости и надежды. Восставшие, забыв о ранах и усталости, с удвоенной силой бросились на бандитов. В тот же миг всадники Даруса, издав боевой клич Кса-Рок, врезались во фланг растерявшихся противников, прорубая кровавый проход копьями и кривыми мечами.

Хаос достиг своего пика. Теперь это было полномасштабное сражение за Зултар.

Киран, прикрывая спину одному из воинов Даруса, увидела, как Адриан бросился в самую гущу схватки, туда, где бандиты еще пытались держать строй. Он пронесся сквозь ряды врагов, как порыв черного ветра. Его кинжалы мелькали, оставляя за собой лишь падающие тела и фонтаны темной крови.

Она заметила красноватый отблеск в его глазах над платком. Теперь он горел ярче, чем во время убийства палача. Адриан двигался, как идеальная машина для убийства, лишённая жалости, лишённая сомнений, лишённая... души? Киран почувствовала, как холодок страха, не за себя, а за него, пробежал по ее спине, перекрывая даже жар битвы.

Краем глаза Киран заметила, как Корган, подобравшись к краю площади, юркнул в темный переулок и исчез. Но она не могла оторвать взгляда от Адриана. Он был полностью поглощен резней, не замечая ничего вокруг.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Оставшиеся бандиты, видя гибель своих и бегство главаря, бросали оружие и поднимали руки. На песке лежали тела, слышались стоны раненых, а над всем этим повисла тишина, пришедшая на смену ярости.

Она поискала Адриана и нашла его. Он стоял над одним из поверженных врагов. Бандит был давно мертв, его тело было истерзано множеством ударов. Но Адриан продолжал механически вонзать в него кинжал. Снова. И снова. С глухим, чавкающим звуком. Видимая над платком часть его лица была пустой, а в глазах все еще горел тот холодный, багровый огонь.

Он, казалось, не замечал ни Киран, ни толпу, ни мертвеца под ногами. Он был где-то далеко, в своей собственной, кровавой бездне.

— Адриан! — Киран подбежала и резко схватила его за руку, державшую кинжал. Ее пальцы обожгло ледяным холодом, исходившим от него. — Адриан, остановись! Хватит! Бой окончен! Он мертв!

Он вздрогнул, как от удара. Медленно повернул голову к ней. Его взгляд был рассеянным, непонимающим. Он посмотрел на свою руку, на кинжал, потом на труп под ногами, словно видел его впервые. Красное свечение в его глазах дрогнуло и медленно погасло, оставив после себя лишь глубокую, почти детскую растерянность и внезапно навалившуюся усталость. Он выхватил руку из ее хватки, отшатнувшись от трупа, и тяжело задышал.

— Корган... — прохрипел он, оглядываясь по сторонам мутными глазами. — Где Корган?

— Сбежал, — ответила она, стараясь говорить ровно. — Ускользнул. Но сейчас это не важно, Адриан. Все кончено.

К ним подошел староста Дарус. Тяжесть лет и недавнего изгнания лежала на его плечах, но сейчас его суровое лицо освещала глубокая, почти выстрадавшая благодарность. Бор и его сыновья стояли рядом, их лица были мрачны от потерь, но полны решимости.

— Глашатай Матери, — сказал Дарус, низко склоняя голову перед Адрианом в знак глубочайшего уважения. — И ты, дитя гор, — он повернулся к Киран, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Вы... вы вернули нам не просто дом. Вы вернули нам надежду и честь. От имени каждого жителя Зултара, от имени наших предков и наших детей — примите нашу вечную благодарность.

Люди вокруг смотрели на них со слезами на глазах, в их взглядах смешались благоговение, облегчение и ожидание. Хаос битвы сменился хрупкой тишиной возрождения.

Адриан посмотрел на Киран, словно безмолвно передавая ей слово.

— Староста Дарус, жители Зултара! — голос Киран обрел силу, перекрывая шум толпы. — Сегодня вы прогнали стервятников со своей земли! Но Корган был лишь когтем большего зверя. Его хозяин, Харкон, вождь из племени Дрег-Уул, жаждет власти над всеми Дикими Землями. Он готовится свергнуть Верховного вождя Раска. Он хочет войны, которая утопит в крови все четыре племени!

Она оглядела посерьезневшие лица.

— Мы с Адрианом должны продолжить наш путь, — сказала она. — На юго-восток, в земли Зив-Ракша. Мы должны убедить их вождя Джуккара встать на сторону Раска, пока не поздно. А вы... — она посмотрела на Даруса и Бора. — Вы должны действовать немедленно. Отправьте самых быстрых гонцов к вашему вождю Кайтану в Шигаат. Расскажите ему все. О Коргане, о Харконе, о знаке Глашатая. Убедите его собрать воинов и направить их на восток, к Раску, ибо тень Дрег-Уул уже нависла над горами. Попросите шаманку Шикру поддержать вас — ее слово имеет вес. Мы должны опередить Харкона. Каждый день на счету.

Староста Дарус и Бор решительно кивнули, их лица выражали полное понимание и готовность.

— Будет сделано, дитя гор, — твердо сказал Дарус. — Вы зажгли огонь в наших сердцах. Зултар больше не будет прятаться. Мы пошлем гонцов, мы соберем тех, кто может держать оружие. Мы спасли свой дом. Теперь наш черед помочь спасти Дикие Земли.

Их не стали задерживать. Ночь в Зултаре была странной смесью ликования и скорби. Жители праздновали свое освобождение у костров на площади, делясь последними припасами, но тут же оплакивали павших в короткой, жестокой битве. Город обрел свободу, но заплатил за нее кровью.

Им быстро собрали в дорогу свежую провизию — лепешки, вяленое мясо, финики — и наполнили бурдюки до краев чистой водой. Бор лично отобрал для них двух лучших верблюдов

из своего небольшого стада — выносливых, сильных животных, способных выдержать долгий путь через пустыню. Его сыновья, Нарек и Тамир, помогли им закрепить поклажу, их лица были усталыми, но полными новой решимости.

Утром, перед самым рассветом, у ворот их провожали Дарус, Бор и его сыновья.

— Пусть Мать-Скарабей хранит вас на пути, — сказал Бор, крепко пожимая руку Адриану, как равному воину, и с глубоким уважением кивая Киран. — И пусть Орел ведет тебя, дитя гор. Мы в неоплатном долгу перед вами обоими.

— Берегите себя, Глашатай, — добавил Нарек, глядя на Адриана. — Земли Зив-Ракша коварны.

— Возвращайтесь с победой, — пробасил Тамир.

Староста Дарус положил руку на плечо Адриану. — Ты принес надежду туда, где остался лишь пепел. Зултар этого не забудет. Удачи вам. И да пребудут с вами духи.

Адриан кивнул, не находя слов. Он чувствовал тяжесть их надежд на своих плечах. Киран молча склонила голову в знак прощания.

Они выехали из Зултара на рассвете, когда первые лучи солнца окрасили небо над освобожденным городом. Позади оставалось место боли и битвы — город, который они невольно втянули в большую, надвигающуюся войну, но где впервые проросла надежда. Теперь их путь лежал в еще более дикие земли — в джунгли, где правило племя Зив-Ракша.

Часть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.